

In memoriam

Н. Л. Корсакова

«Поддерживал письменную связь на языке Эсперанто...»: малоизвестные страницы биографии В. И. Рутенбурга

В 2011 году исполнилось 100 лет со дня рождения Виктора Ивановича Рутенбурга, отечественного медиевиста, историка Италии периодов Средневековья и Возрождения, доктора исторических наук, профессора Ленинградского государственного университета, члена-корреспондента АН СССР.

Биография Виктора Ивановича достаточно подробно была освещена в ряде работ, выходявших к его юбилеям, а также в некрологах и статьях, посвященных памяти ученого. Однако со времени его кончины прошло уже почти четверть века, за этот период появились новые (хотя и немногочисленные) исследования, авторы которых обращались к творческому наследию В. И. Рутенбурга, открылись новые возможности для изучения его биографии. Уточняя факты, относящиеся к периоду профессионального становления В. И. как историка и проясняя малоизвестную страницу его жизни, считаю, однако, нелишним в юбилейном сборнике напомнить и основные вехи биографии ученого.

О ранних годах В. И. сведений немного, поэтому приведу все имеющиеся в моем распоряжении, поставив их, по возможности, в исторический контекст.

Будущий историк родился 29 октября (по старому стилю) 1911 г. в Москве в семье Ивана Михайловича Копейкина (1876–1925), уроженца г. Моршанска Тамбовской губернии, и Эмилии Феликсовны (до замужества — Колаковской, 1878–1952), уроженки г. Хорола Полтавской губернии — «преподавателей литературы и языков», как указывал В. И. в «Автобиографии», приложенной к заявлению с просьбой принять его на работу в Ленинградское отделение института истории АН СССР (далее ЛОИИ. — *Н. К.*).¹ К моменту рождения сына в семье

¹ В дальнейшем институт не раз менял название. В настоящее время — Санкт-Петербургский институт истории РАН (СПбИИ РАН). И «Заявление», и «Автобиография» В. И. датированы 18 февраля 1946 г. — См.: Делопроизводственный архив СПбИИ РАН, оп. 2, ч. II, д. 313 («Личное дело В. И. Рутенбурга»; далее — «Личное дело»), л. 4, 11. — Отмечу, что в статье М. Т. Петрова

Копейкиных уже росли три дочери — Евгения, Елена и Нина.² Детские и юношеские В. И. годы прошли на Украине. После окончания в 1927 г. средней школы В. И. поступил на исторический факультет Педагогического института города Днепропетровска (так с 1926 г. стал называться бывший Екатеринослав), по окончании которого преподавал историю в «различных средних школах Донбасса», а с сентября 1932 по ноябрь 1933 г. одновременно служил инспектором в Отделе народного образования г. Сталино — как до 1961 г. назывался Донецк.³ В 1925 г. скончался отец В. И., и многодетная семья, по-видимому, нуждалась. К этому времени относится сотрудничество В. И. с украинскими и русскоязычными молодежными газетами, помещавшими его заметки на различные темы, в частности пропагандирующие изучение языка эсперанто. Этот искусственный язык, созданный в 1887 г. варшавским окулистом Лазарем (Людвигом) Марковичем Заменгофом, призван был служить универсальным средством международного общения. Слово *Esperanto* — «Надеющийся» — первоначально являвшееся псевдонимом Заменгофа, со временем стало названием самого языка. Виктор Копейкин печатал заметки, а также другие материалы (кроссворды, ребусы, за составление которых, вероятно, что-то платили) как под своей фамилией, так и под несколькими псевдонимами.⁴

Город Сталино, где началась преподавательская деятельность В. И., в те годы динамично развивался, что было связано с бурным ростом угледобычи и повлекло значительный рост численности населения. В 1926 г. был основан Горный, в 1930 г. — Медицинский институты, в 1928 г. открылся Драматический театр. В 1928 г. по городу прошел первый трамвай, в 1931 — первый (и единственный тогда) автобус.

и А. А. Фурсенко, посвященной памяти Виктора Ивановича, говорится, что его мать преподавала математику (см.: Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 21. Л., 1990. С. 305).

² О сестрах в официальных документах В. И. сообщал следующие сведения: Карелина Евгения Ивановна (рожд. 23.02.1904, Москва), проживала в г. Ясиноватая Донецкой обл., Смирнова Елена Ивановна (рожд. 29.10.1905, г. Куйбышев), Строговая Нина Ивановна (рожд. 19.07.1910 — ум. в 1972 г.).

³ В документе под названием «Справка» («Личное дело», л. 2) говорится, что это были: школа-десятилетка поселка Вознесенский рудник, школа шахты № 32 г. Рутченково и Образцовая школа № 10 г. Сталино (поселок, с 1917 г. — город Юзовка (или Юзово), названный так в честь его основателя Джона Джеймса Юза (*Hughes*), в 1924 г. был переименован в город Сталин, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и до 1961 г. без всяких официальных постановлений назывался Сталино).

⁴ См. об этом на с. 307 настоящего сборника в тексте Е. З. Панченко, редактирующем Библиографию работ В. И. Рутенбурга.

В 1932 г. был принят первый в истории города генеральный план, в соответствии с которым был заложен Центральный парк культуры и отдыха, которому было присвоено имя П. П. Постышева, в 1933 г. построены первые 12 км канализационной сети, а в 1934 г. началась эксплуатация первого городского газопровода бытового назначения. Однако не следует забывать, что как раз в 1932–1933 гг. на территории Украины свирепствовал ужасающий голод, повлекший за собой большие человеческие жертвы.⁵ Таким образом, призыв в Красную Армию в ноябре 1933 г. был, возможно, спасительным для В. И., хотя службу он и проходил на территории Украины — в городе Винница.

Окончив годичные курсы молодых командиров Рабоче-крестьянской Красной армии и получив звание младшего лейтенанта запаса, В. И. отправился в Ленинград и в 1934 г. «поступил на исторический факультет Ленинградского института истории, философии, лингвистики и литературы, слившийся затем с Университетом»,⁶ который тогда и до 1937 г. возглавлял (в звании директора) М. С. Лазуркин, хозяйственный и партийный деятель.⁷ По воспоминаниям универсантов тех лет, в том числе Л. Н. Гумилёва, Лазуркин был образованным, умным и тактичным человеком, в меру своих возможностей старался не поощрять развернувшуюся с первых же лет возобновления истфака и с каждым годом расширявшуюся кампанию по выявлению «врагов народа».⁸ Факультет разместился в том же здании, которое он занимает и сегодня.

⁵ Некоторые исследователи именно П. П. Постышева, украинского партийного деятеля, считают одним из виновников и даже организаторов «голодомора» на Украине (в 1939 г. Постышев был расстрелян, в 1956 г. реабилитирован).

⁶ «Личное дело», л. 11. — Институт располагался по адресу Университетская наб., д. 11 (сейчас это здание занимает Филологический факультет университета). В соответствии с Приказом народного комиссара просвещения РСФСР А. С. Бубнова, датированным 3 апреля 1934 г., открывались ранее упраздненные исторические факультеты. С 1 сентября 1934 г. восстанавливались истфаки в Московском и Ленинградском университетах.

⁷ Михаил Семенович Лазуркин (1883–1937) был арестован осенью 1937 г., обвинен в «связи с троцкистскими бандитами», «потере классово-бдительности» и «гнилом либерализме». Он был застрелен в кабинете следователя в процессе допроса. В том же году арестовали и его жену — большевичку с дореволюционным стажем Дору Абрамовну Лазуркину (1884–1974), которая, однако, выжила в лагерях, была освобождена после смерти И. В. Сталина, выступила с обличительной речью на XXII съезде КПСС и была одним из инициаторов выноса праха Сталина из Мавзолея.

⁸ Гумилёв Л. Н. Автобиография. Воспоминания о родителях // Лев Гумилёв: Судьба и идеи / С. Б. Лавров и др. М., 2007. С. 18.

План приема на первый курс исторического факультета был установлен в 150 человек, вступительных экзаменов не было, принималось во внимание социальное происхождение студента. Первоначально на факультете действовало пять кафедр: истории СССР, древней истории, истории средних веков, Новой истории и Истории колониальных и зависимых стран. Воссозданную кафедру истории средних веков до апреля 1935 г. возглавлял «медиевист новой формации» Н. Н. Розенталь,⁹ после увольнения которого временно исполняющим обязанности заведующего был назначен А. Е. Кудрявцев (1880–1941), специалист по истории средневековой Испании, которого в свою очередь сменил О. Л. Вайнштейн (1893–1980), заведовавший кафедрой до 1951 г., когда он был уволен в ходе кампании против «космополитизма»¹⁰. Кафедра объединила силы как историков старшего поколения (В. Н. Бенешевич, И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рождественская, М. В. Левченко), так и более молодых преподавателей (М. А. Гуковский,¹¹ А. Д. Люб-

⁹ Н. Н. Розенталь (1892–1960) — выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, медиевист, ученик И. М. Гревса, в 1922 г. защитил кандидатскую диссертацию, вскоре изданную отдельной книгой под названием «Юлиан Отступник: трагедия религиозной личности» (Пг., 1923). По воспоминаниям современников, Розенталь охотно участвовал в обличительных кампаниях, в частности, в напаках на Е. В. Тарле (см., напр., комментарий А. И. Добкина к кн.: *Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания М., 1992. С. 430). Подробнее о Розентале см.: *Лебедева Г. Е., Якубский В. А.* Первый заведующий (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени: Сборник статей. СПб., 2005. Вып. 6. С. 3–14; *Майборода П. А.* Жизнь и творчество Николая Николаевича Розенталя: <http://vbibl.ru/istoriya/21739/index.html>

¹⁰ См.: *Лебедева Г. Е., Якубский В. А.* Профессор О. Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени: Сборник статей. СПб., 2005. Вып. 5. С. 102–126.

¹¹ Матвей Александрович Гуковский (1898–1971) — историк и искусствовед, кандидат (1933), доктор (1939) исторических наук, профессор ЛГУ и сотрудник Эрмитажа. В 1949–1954 гг. подвергался репрессиям. После реабилитации вернулся в Ленинград, читал в ЛГУ курсы по истории Италии и итальянскому Возрождению, в 1960–1971 гг. возглавлял кафедру истории средних веков ЛГУ. М. А. Гуковский и В. И. Рутенбург вместе готовили к изданию «Хронику» Бонаккорсо Питти (Л., 1972), которая вышла уже после смерти Матвея Александровича под редакцией Виктора Ивановича. Ежегодные заседания памяти М. А. Гуковского, которые совместно проводили Эрмитаж, ЛОИИ и кафедра истории средних веков ЛГУ, вплоть до смерти В. И. проходили под его председательством.

линская.¹² Аспирантуру кафедры в то время проходили И. В. Арский, А. С. Бартенев, Б. Я. Рамм.¹³

Университетский период В. И. пришелся на годы усилившихся сталинских репрессий, от которых тяжело пострадал и Ленинградский университет, и его исторический факультет, что едва ли могло ускользнуть от глаза новоиспеченного студента, но уже вполне зрелого человека. Так, после краткого деканства Г. С. Зайделя,¹⁴ в 1935 г. переведенного в Саратовский университет, однако вскоре арестованного и расстрелянного, факультет за время студенчества В. И. сменил еще трех руководителей, из которых двое были также репрессированы. Так, второй по хронологии декан — профессор Сергей Митрофанович Дубровский (1900—1970) — специалист по аграрной истории, был арестован в 1936 г. по обвинению в троцкизме, приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей (отбывал наказание на Соловках и в Норильлаге) и пяти годам лишения политических прав.¹⁵ Дубровского

¹² Об одном из крупнейших отечественных медиевистов и палеографов см., напр.: *Бернадская Е. В., Киселева Л. И., Малинин Ю. П., Сомов В. А.* Александра Дмитриевна Люблинская (1902—1980) // Средние века. М., 1983. Вып. 46. С. 291—323; *Лебедева Г. Е., Якубский В. А.* А. Д. Люблинская и кафедра истории Средних веков ЛГУ в 1940—1950-е годы // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени: Сборник статей. СПб., 2003. Вып. 4. С. 9—26; с 1957 г. А. Д. Люблинская вместе с В. И. и под его началом работала в ЛОИИ.

¹³ Игорь Владимирович Арский, защитивший в 1937 г. диссертацию, посвященную истории средневековой Каталонии, погиб на фронте в 1941 г. Алексей Сергеевич Бартенев (1906—1942), аспирант О. А. Добиаш-Рожественской, защитивший диссертацию перед войной, погиб в блокадном Ленинграде; Борис Яковлевич Рамм (1902—1988) — специалист по истории католической церкви, сотрудник Государственного музея религии и атеизма, доктор исторических наук (1964). — О работе кафедры в те годы подробнее см.: *Лебедева Г. Е., Якубский В. А.* *Cathedra medii aevi: Материалы к истории ленинградской медиевистики в 1930—1950-х годов.* СПб., 2007.

¹⁴ Григорий Соломонович Зайдель (1893—1937) — революционный и партийный деятель, историк; был причастен к разгрому дореволюционной университетской профессуры. Автор (вместе с М. М. Цвибаком) книги «Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы» (М.; Л., 1931).

¹⁵ После условно-досрочного освобождения в 1946 г. Дубровский жил в Казани, где работал заместителем директора Государственного музея Татарской автономной советской социалистической республики. В 1947 г. он был повторно арестован по обвинению в участии в контрреволюционной деятельности и приговорен к ссылке на поселение в Енисейск. В 1956 г. освобожден и реабилитирован. Ему посвящен некролог в журнале «Вопросы истории» (1971, № 1. С. 218).

сменил профессор Арвид Карлович Дрезен (1900–1938), бывший до того начальником Управления центральных государственных архивов. В ЛГУ он заведовал также кафедрой истории СССР. А. К. Дрезен был уволен с поста декана после ареста 17 апреля 1937 г. его младшего брата Эрнеста, известного эсперантиста. 4 ноября 1937 г., на следующий день после расстрела жены брата Елены Константиновны Дрезен-Сазоновой, также обвинявшейся в причастности к шпионско-террористической организации, А. К. Дрезен был арестован, обвинен в участии в контрреволюционной латвийской националистической шпионской организации, а также в военном заговоре М. Н. Тухачевского, и 27 января 1938 г. расстрелян.¹⁶

Поскольку, как упоминалось выше, В. И. с юношеских лет увлекался эсперанто, ему, вероятно, была хорошо знакома фамилия Дрезена — руководителя Союза эсперантистов советских республик. Эрнест Карлович Дрезен (1892–1937) родился в семье моряка в Либаве (совр. Лиепая в Латвии). После окончания начальной школы поступил в реальное училище в Кронштадте, куда переехала и его семья. Там он начал заниматься интерлингвистикой,¹⁷ что и определило его дальнейшую жизнь. В 1911–1916 гг. Э. К. Дрезен учился в Петербургском Политехническом институте, где создал группу по изучению эсперанто, а в 1917 г. он возглавил петербургское общество «Эсперо». В 1918 г. Дрезен вступил в РКП(б), служил в Красной Армии, работал в Наркомате иностранных дел и других советских учреждениях, преподавал в Московском университете, являлся советником Всесоюзного общества культурных связей с зарубежьем (ВОКС), не прекращая при этом работу в эсперанто-движении. Еще в 1919 г. Дрезен выступил одним из инициаторов создания Эсперанто-секции III Интернационала, а в июне 1921 г. на прошедшем в Петрограде III Всероссийском съезде эсперантистов учредил Союз эсперантистов советских стран (с 1927 г. — Союз эсперантистов советских республик — СЭСР). Целью организации провозглашалась пропаганда идей коммунизма и советского образа жизни. В августе 1932 г. на учредительной конференции в Берлине был создан Интернационал пролетарских эсперантистов (ИПЭ), и СЭСР стала его крупнейшей секцией. Избранный генеральным секретарем ЦК СЭСР, Э. К. Дрезен находился на этом посту до августа 1936 г. 17 апреля 1937 г. он был арестован по обвинению в шпионаже и контрреволюционной деятельности и 27 октя-

¹⁶ Реабилитирован в 1957 г.

¹⁷ Часть лингвистики, занимающаяся международными искусственными языками, в том числе эсперанто, а также различными проблемами языков международного общения.

бря расстрелян.¹⁸ Вместе с Э. К. Дрезеном были арестованы многие рядовые члены СЭСР, что привело к фактической ликвидации этой организации.

В числе руководителей факультета в годы студенчества В. И. — К. А. Успенский и А. Л. Фрайман,¹⁹ деканство которых приходилось на 1937–1940 гг.²⁰ В 1940 г. Фраймана сменил сначала М. Д. Присёлков,²¹ вскоре, однако, тяжело заболевший, а затем уже длительный период (с 1940 по 1949 г.) истфак возглавлял В. В. Мавродин.²²

В. И. слушал на факультете лекции известных ученых: «историю доклассового общества» ему читал С. Н. Быковский, историю Древнего Востока — В. В. Струве, античную историю — С. И. Ковалёв, историю России до XVIII в. — Б. Д. Греков, курс позднего средневековья вел П. П. Щёголев, политэкономия — А. А. Вознесенский, семинар по русской истории периода Смуты вел Н. И. Ульянов, французскому языку В. И. учился у выдающегося лингвиста Л. В. Щербы.²³

¹⁸ Реабилитирован в 1957 г.

¹⁹ Антон Львович Фрайман (1908–1972) — советский историк, доктор исторических наук (1954), профессор (1960), подполковник. После Великой Отечественной войны и до смерти А. Л. Фрайман работал в ЛОИИ.

²⁰ См., например: Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, 1934–2004: Очерк истории / отв. ред. проф. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 12.

²¹ Профессор М. Д. Присёлков (1881–1941), специалист по истории и источниковедению Древней Руси, в 1920–1922 гг. возглавлял факультет общественных наук Петроградского государственного университета, в апреле 1922 г. был в первый раз арестован по «делу Вениамина (Казанского)», связанному с изъятием государством церковных ценностей, однако был оправдан. В 1929 г. арестован и осужден по «делу Платонова–Тарле». После отбывания срока (начала на Соловках, потом на поселении и в ссылке) в 1935 г. был возвращен в Ленинград по ходатайству В. Н. Бенешевича.

²² Профессор Владимир Васильевич Мавродин (1908–1987) — специалист по истории Киевской Руси, заведующий кафедрой истории СССР ЛГУ, доктор исторических наук (1940).

²³ Сергей Николаевич Быковский (1896–1936) — палеоэтнограф, один из активных пропагандистов идей Н. Я. Марра. В 1936 г. арестован, обвинен в участии в «троцкистской оппозиции» и 19 декабря 1936 г. расстрелян (реабилитирован в 1957 г.); Василий Васильевич Струве (1889–1965) — востоковед, академик АН СССР (1935); Сергей Иванович Ковалев (1886–1960) — историк античности, доктор исторических наук (1938); Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) — историк, специалист по истории Киевской Руси, академик (1935); Павел Павлович Щёголев (1903–1936), профессор ЛГУ, сын редактора «Былого», историка и пушкиниста П. Е. Щёголева, специалист по истории Французской революции; Александр Алексеевич Вознесенский

На своей кафедре В. И. застал заседание, проходившее осенью 1937 г., на котором О. Л. Вайнштейн и другие члены кафедры вынуждены были осудить как «политически вреднейший» и «возмутительнейший» поступок профессора В. Н. Бенешевича, опубликовавшего в Мюнхене, через посредство Баварской Академии наук, критическое издание юридического сборника Иоанна Схоластика. Тогда единственным исключением из общего хора порицаний стало выступление И. М. Гревса. 29 октября 1937 г. Бенешевич, за спиной которого уже был один лагерный срок, был отчислен из профессорско-преподавательского состава ЛГУ, 27 ноября арестован и вскоре расстрелян.²⁴

Продолжал ли В. И. свои занятия эсперанто в Ленинграде? Этот вопрос пока остается открытым, ответ на него требует обращения к документам архивов. В статье М. Т. Петрова и А. А. Фурсенко вскользь упоминается, что В. И. принимал «активное участие в обществе эсперантистов», но неясно, относится ли это утверждение к началу его ленинградского периода.

История отечественного эсперанто-движения до сих пор принадлежит к числу малоизученных. Книги и статьи по теории и истории эсперанто выходили в СССР в 1920–1930-х гг., после чего эта тема оказалась запретной. Из недавних исследований можно, пожалуй, назвать лишь статью С. В. Ярова, основанную на материалах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и посвященную судьбе Ленинградской организации эсперантистов. Автор сообщает, что в 1930-х гг. в Ленинграде повсеместно стали образовываться районные отделения СЭСР, во главе которых стояли ответственные организаторы из числа членов Ленинградского

(1898–1950) — экономист, брат Н. А. Вознесенского, в 1940–1947 гг. ректор ЛГУ, в 1948–1949 гг. министр просвещения РСФСР. В 1949 г. арестован по «ленинградскому делу», осужден и расстрелян в 1950 г.; Николай Иванович Ульянов (1904–1985) — доцент, ученик С. Ф. Платонова. В 1936 г. был арестован за «контрреволюционную троцкистскую деятельность», приговорен к пяти годам лагерей. Освобожден в 1941 г. Во время Великой Отечественной войны был отправлен на принудительные работы в Германию, после окончания войны перебрался сначала в Марокко, затем в США, где стал читать лекции по русской истории в Йельском университете; Лев Владимирович Щерба (1880–1944) — выдающийся лингвист, специалист по общему языкознанию, славянским и французскому языкам, академик (1943).

²⁴ Трудам и судьбе Бенешевича теперь посвящено множество исследований, из которых хочется выделить работу И. П. Медведева (Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 339–281), назвавшего Бенешевича «одной из самых трагических фигур в нашей отечественной науке».

обкома, а также другие эсперантистские организации. Они вели обширную переписку «в русле международной рабочей связи». Каких-либо ограничений на переписку не было до 1933 г., когда появился «не подлежащий оглашению» циркуляр ЦК СЭСР, практически запрещавший посылку писем, «хотя бы и безобидного характера», в страны «фашистского террора». Основная масса эсперанто-кружков располагалась в профсоюзных клубах, Домах культуры, а также в учебных заведениях. На фабриках и заводах кружков было мало. «Имеются сведения, — сообщает автор, — об их работе в ЛГУ, Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, Технологическом и Электротехническом институтах, Педагогическом институте им. А. И. Герцена, 3-м музыкальном и сельскохозяйственном техникумах». Высшей формой обучения в Ленинградской организации СЭСР стал вечерний эсперанто-университет в Выборгском Доме культуры, открытый в 1933 г. Там преподавали виднейшие ленинградские эсперантисты — С. Н. Подкаминер и М. М. Урбан.²⁵ С 1927 по 1937 г. в Ленинграде еженедельно проводились радиопередачи на эсперанто.

В 1934 г. в Москве под эгидой ЦК СЭСР вышла брошюра, озаглавленная «Пионеры, учите эсперанто: Рассказ пионерам о международном языке». На обороте титульного листа был помещен перевод названия на язык эсперанто. Автором брошюры был В. И., скрывшийся за прозрачным псевдонимом В. Копейкин-Волгин.²⁶ Книжница объемом в один печатный лист была подписана к печати 17 января 1934 г., т. е. еще

²⁵ Яров С. В. Эсперантизм как политико-лингвистический эксперимент 1920–30-х годов: Судьба Ленинградской организации Союза эсперантистов // Вестник Псковского Вольного университета. № 1–3. Т. 2. 1995. С. 88–95, 93. — Семен Наумович Подкаминер (1901–1982) — инженер, работал в Ленинградском институте воздушного транспорта (доцент, заведующий кафедрой, проректор, ректор), один из пионеров эсперанто-движения в СССР, член ЦК СЭСР; Модест Миронович Урбан (Урбан-Усов) (1896–?) — с января 1935 г. сотрудник, заместитель директора по научной работе Государственной публичной библиотеки. Член ЦК СЭСР. В 1929–1935 гг. служил в Радиокomitee Ленинграда, где был главным редактором передач на эсперанто. О нем подробнее см.: Шилов Л. А., Эльзон М. Д. Урбан (Урбан-Усов) // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: Биографический словарь: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=1312. Ценные материалы к истории эсперанто можно найти на двуязычном сайте (представлены на русском языке и на языке эсперанто): <http://historio.ru/>

²⁶ В подписи к одной из фотографий, помещенных в брошюре, В. И. фигурирует как «Копейкин-Волгин». Псевдоним «Волгин» В. И. позднее использовал в своей книге «Ватикан — центр реакции и мракобесия» (Л., 1960).

до поступления В. И. в ЛГУ, и вышла тиражом в 38 000 экземпляров.²⁷ В ней в занимательной и доступной форме рассказывалось о том, что представляет собой язык эсперанто, кто и зачем его изобрел, где ему можно научиться. Первая глава начинается словами: «Это было летом 1932 года. Как техник, специалист по подрывным работам, я поехал на ледоколе “Сибиряков” в экспедицию через Северо-Ледовитый океан». Повествование ведется от имени взрывника Малера.²⁸ Он рассказывает, как, «победив все трудности, но получив ранение в борьбе со льдами», судно встало на починку в Японии. Там, благодаря знакомству рассказчика с языком эсперанто, участники экспедиции смогли подружиться с японскими «товарищами» (с. 3–4). Во второй главе, носящей название «Спасибо Заменгофу», школьник Борис Левин пишет на эсперанто письмо немецкому другу Курту Ренгольту. В письме он объясняет, почему и для чего Заменгоф создал эсперанто. Живя в польском городе Белостоке, «где разные национальности постоянно враждовали между собой... он решил создать всеобщий язык, который бы смягчил дикую национальную вражду», разжигаемую «капиталистами» (с. 7). «Ты, Курт, спрашиваешь, — пишет школьник, — где я научился эсперанто? В декабре 1931 года я поступил в организованный в нашей школе кружок эсперанто. Через несколько месяцев я решил написать письмо в Германию. В журнале эсперантистов я нашел адрес одного немецкого комсомольца Геральда Генихас, который хотел переписываться. При помощи словаря я написал письмо и в феврале 1930 года получил первое письмо из-за границы. В прошлом году меня выбрали председателем интернационального кружка в школе. Мы начали организовывать переписку наших пионеротрядов с зарубежными... Я сейчас переписываюсь с комсомольцами и пионерами Германии, Франции, Китая, Японии, Голландии и Швеции...» (с. 8–9). Вполне возможно, что в этом месте брошюры речь идет о реальных событиях, свидетелем или участником которых был В. И. (хотя в 1931 г. он был уже не школьником, а учите-

²⁷ Любопытно, что незадолго до выхода в свет брошюры, написанной В. И., ЦК СЭСР выпустил книгу с похожим названием: «Пионеры, изучайте эсперанто» (М., 1930). Ее автором был Николай Дмитриевич Моденов (1892–1938?) — известный эсперантист, заведующий отделом учета и отчетности Центросоюза, арестованный в 1937 г. и осужденный на 8 лет лагерей. Сведений о дальнейшей его судьбе не обнаружено. Реабилитирован в 1956 г.

²⁸ В экспедиции 1932 г. на ледоколе «Сибиряков», которую возглавлял О. Ю. Шмидт, в качестве взрывника действительно участвовал Фридрих Юльевич Малер (р. 1901–?). В 1946 г. Малер, прошедший Великую Отечественную войну, в числе многих других российских немцев, был «трудомобилизован» в Тагиллаг. Сведений о знакомстве с ним В. И. не обнаружено.

лем). Заканчивается письмо следующим образом: «Пиши мне на адрес: Сталино, Донбасс 1–68, 2 ФЗД²⁹ Б. Левину. Борис». По-видимому, указан реально существовавший адрес школы, так как подпись к одной из фотографий (помещенной в брошюре на с. 21), где представлена группа людей, среди которых мы узнаем и В. И., гласит: «Интернациональная бригада ФЗД № 2 (Сталино). Сидят: Левин (прединтерсектора), Колесников (завпед), Столяров (завшк.), Копейкин-Волгин (руководитель эсперанто-работы), Коваль. Стоят: Офениндин, Горелик, Оберан». Названы, думается, реальные фамилии людей на фотографии. Подпись к другой фотографии (на с. 28): «Интернациональный уголок 2 ФЗД г. Сталино (Донбасс). У витрины (показывает) бригадир интербригады эсперантистов Боря Левин», т. е., надо понимать, Борис Левин существовал в действительности. О школьном «интернациональном уголке» сообщается: «Там аккумулируются материалы по зарубежным связям. Они всё время обновляются — есть свежий материал о событиях за границей, о жизни детей рабочих разных стран, о борьбе мировой пионерской организации». Уголок «мобилизует ребят на конкретные дела: показывает переписку и ее качество в отдельных группах, вербовку в МОПР».³⁰

Брошюра рассказывает также об организации и размахе эсперанто-движения на Украине, где в ряде школ язык эсперанто стал обязательным предметом. В главе «Эсперанто помогает на всех фронтах» высказывается уверенность, что этот язык не только помогает школьникам в изучении иностранных языков, но и «оживляет всю работу пионерской организации, гонит скуку... является мощным орудием интернационального воспитания» (с. 35–38). Глава «О Пауле Лембке» (с. 39–40) начинается рассказом о приезде в Сталино немецкого корреспондента школьников-эсперантистов. О человеке с таким именем сайт эсперантистов скупо сообщает: «Пауль Генрихович Лембке (р. 1904), харьковский студент, одно время — библиотекарь в г. Сталино (по рекомендации

²⁹ Фабрично-заводская десятилетка. — На официальном сайте Донецкой общеобразовательной школы № 151 сообщается: «В 1930 году на базе старых школ образовали фабрично-заводскую семилетнюю школу № 2. Комплекс из нескольких зданий, где обосновались заведения народного просвещения, ранее представлял собой имение помещика Рутченко, по имени которого назван поселок. Ближе к нынешнему рынку (2 км от площади Свободы на северо-запад, по линии трамвая две остановки) находилась десятилетка, где преподавали и обучали на украинском языке»: http://school-151.at.ua/index/istorija_shkoly/0-36 Школа «шахты № 32 г. Рутченково» как одно из мест работы В. И. упомянута в «Справке» (см. с. 10).

³⁰ Международная организация помощи борцам революции.

Е. Михальского³¹), арестован 1 сентября 1937. Выдворен из СССР». Фигурирует в брошюре и «новый руководитель» Вилли Плетнер, «приехавший всего 8 месяцев назад из фашистской Германии» и рассказывающий «о жизни и борьбе германского комсомола и пионерии». «Плетнер и Лембке, — утверждает рассказчик, — теперь вместе с нами активно участвуют в строительстве социализма» (с. 40). Текст брошюры завершается призывом: «Пионеры! Овладевайте эсперанто, чтобы помогать зарубежным пионерам в их революционной борьбе вместе с отцами против фашизма и империализма, за советскую власть в стране капитала... чтобы крепить оборону Советского Союза от нападения империалистов, чтобы помогать строительству социализма» (с. 40).

19 июня 1937 г. В. И. женился Софье Григорьевне Рутенбург (1916–1990), которая училась с ним на историческом факультете, и взял фамилию жены. В браке, оказавшемся очень счастливым, родился единственный сын, которого назвали Игорем (1940–2005).

В мае 1938 г. студент В. И. Рутенбург получил «Похвальный отзыв», подписанный деканом исторического факультета К. А. Успенским, за исследование «Из истории итальянских ломбардов в XV в. По рукописи архива ЛОИИ АН СССР», представленное на конкурс студенческих научных работ. Вместе с ним были премированы будущие известные историки, тогда еще студенты, В. Т. Пашуто (1918–1983) и Д. Н. Альшиц (1919–2012). В. И., как он сам указал в «Автобиографии», получил тогда вторую премию.

В 1939 г. состоялся первый выпуск студентов, начавших в 1934 г. обучение на восстановленном историческом факультете. В это время, как уже говорилось, деканом факультета был А. Л. Фрайман, а университет возглавлял профессор К. И. Лукашёв, географ. С. Г. Рутенбург к тому времени уже была сотрудником Государственного музея истории религии (в 1954–1990 гг. — Государственный музей истории религии и атеизма), где проработала всю жизнь, а В. И. еще в июле 1938 г. был арестован.

Изложенные факты биографии В. И. Рутенбурга с разной степенью детализации приводились и в других исследованиях. О самом факте ареста и его связи с «делом эсперантистов» было известно как со слов

³¹ Евгений Иосифович Михальский (1897–1937) — деятель эсперанто-движения, поэт, писавший на языке эсперанто, переводчик, преподавал в Сталино в Педагогическом институте. Арестован как «участник троцкистской террористической организации» и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1958 г. Сам Михальский приехал в Сталино по приглашению руководителя эсперанто-организации Александра Николаевича Юргенсона (Юргенсен, Юргенс, 1903–1937) — см.: <http://historio.ru/ukraina.php>

самого В. И., упоминавшего о нем в узком кругу близких ему людей, так и потому, что в свое время он не мог остаться незамеченным, например на факультете. Однако никаких подробностей известно не было, и период содержания В. И. под стражей в литературе указывается неточно. Так, в статье «Виктор Иванович Рутенбург» электронного ресурса «Википедия» говорится, что В. И. находился в заключении в 1938–1940 гг., при этом дается ссылка на «Биографические сведения», размещенные на сайте Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.³² Эти «сведения» дословно повторяют биографическую справку, приведенную в публикации Ф. Ф. Перчёнка.³³

Историк отечественной науки Феликс Федорович Перченок (1931–1993) много лет — по доступной литературе, устным свидетельствам и архивам — собирал сведения о репрессированных ученых, оформляя их в списки по специальностям (биологи, геологи, историки и т. д.). При жизни исследователю удалось опубликовать два таких списка — репрессированных востоковедов и геологов.³⁴ Список репрессированных членов АН СССР был опубликован уже после смерти Ф. Ф. Перчёнка. Он не был исчерпывающим и окончательным, требовал дополнений и уточнений, о чем говорит и ошибка в указании верхней хронологической границы периода пребывания В. И. в заключении. О том, что явилось поводом для ареста В. И., вообще не говорится, вероятно, из-за отсутствия достоверных сведений. Хотя напомним, что еще в 1990 г. вышла статья М. Т. Петрова и А. А. Фурсенко (о ней упоминалось выше) — историков, которые знали В. И., работали под его началом в секторе всеобщей истории ЛОИИ и были, хотя и по-разному, близки ему. Соавторы писали: «В сентябре 1938 г. Виктор Иванович

³² В краткой биографической справке, занимающей пять строчек, говорится: «В момент ареста — студент ЛГУ. В заключении в 1938–1940 гг.». — См.: <http://ihst.ru/projects/sohist/repress/academy/rutenberg.htm>

³³ Перченок Ф. Ф. К истории Академии наук: снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In Мемогіам: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перчёнка / сост.: А. И. Добкин, М. Ю. Сорокина. М.; СПб., 1995. С. 197.

³⁴ Репрессированное востоковедение: Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–50-е годы / сост.: А. М. Гришина, Я. В. Васильков, Ф. Ф. Перченок // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 114–125; № 5. С. 96–106; Репрессированные геологи: Биографические материалы / сост.: Л. П. Беляков, Е. М. Заблоцкий, Л. В. Никольская, Ф. Ф. Перченок (редактор-составитель). СПб., 1992; Список членов АН СССР, подвергавшихся репрессиям / сост. Ф. Ф. Перченок // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР: Сборник статей / сост. И. Г. Арефьева, отв. ред. В. А. Куманев. М., 1995. С. 236–252.

был незаконно арестован, он разделил судьбу многих советских людей, репрессированных в годы сталинского произвола. Поводом для ареста и следствия послужило увлечение эсперанто и активное участие в обществе эсперантистов. В материалах дела фигурировали и стихи Виктора Ивановича, созданные на эсперанто. Сам Виктор Иванович крайне скупом упоминал об этом. Не признав обвинения и не подписав никаких показаний, “обличающих” его самого или кого-либо другого, проведя почти 11 месяцев в местах предварительного заключения, он в июне 1939 г. был освобожден, а дело на него прекращено за отсутствием состава преступления. По всей видимости, на такое решение по делу оказал влияние конец “ежовщины”, который был связан с временным ослаблением репрессий и пересмотром недавно заведенных дел, в особенности таких, по которым не удалось добиться компрометирующих показаний». ³⁵

О связи между увлечением В. И. эсперанто и его арестом говорится и в статье С. А. Калядиной, посвященной событиям начала 1938 г. в Ленинграде. Тогда была арестована группа молодых людей по обвинению в «студенческом террористическом заговоре», целью которого было «покушение на Жданова, взрыв Дворцового моста во время первомайской демонстрации и тому подобное». По «делу» проходили Л. Н. Гумилёв, в то время студент исторического факультета Ленинградского университета (это был уже второй его арест), студент восточного факультета Н. П. Ерехович и Т. А. Шумовский — им приписывалось руководство «молодежным крылом партии прогрессистов». ³⁶ В статье упоминается арест «примерно в то же время» группы студентов и аспирантов-востоковедов, «куда входил будущий член-корреспондент АН СССР В. И. Рутенбург... обвиненный в международном шпионаже (он изучал эсперанто)». ³⁷

Имя В. И. Рутенбурга (Копейкина) ни разу не встретилось С. В. Ярову в документах ЦГА СПб при подготовке статьи о судьбе ленинградского эсперанто-движения.

³⁵ Петров М. Т., Фурсенко А. А. Памяти Виктора Ивановича Рутенбурга. С. 306–307.

³⁶ Николай Петрович Ерехович (1913–1945) скончался на Колыме от болезни, когда его лагерный срок уже закончился. Теодор Адамович Шумовский (1913–2012) — востоковед, доктор исторических наук, сотрудник (в 1956–1979 гг.) Ленинградского филиала института востоковедения (в настоящее время — Институт восточных рукописей) РАН, автор поэтического перевода Корана на русский язык.

³⁷ Калядина С. А. Фрагменты «дела ленинградской террористической организации» // Репрессированная наука. СПб., 1994. Вып. 2. С. 199.

Готовясь к 100-летию В. И. Рутенбурга, СПбИИ РАН обратился в Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области с просьбой разрешить мне ознакомиться с материалами уголовного дела В. И. Рутенбурга (Копейкина). Вскоре в Институт пришло письмо, содержащее документ (см. вкл.), подготовленный Службой регистрации и архивных фондов УФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и датированный 5 июля 2011 г.³⁸ Текст документа напечатан на машинке на стандартных листах бумаги.

На наш запрос от 21 июня 2011 г. «в отношении Рутенбурга-Копейкина» сообщалось, что «по материалам архивного уголовного дела, хранящегося в Управлении ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Рутенбург-Копейкин Виктор Иванович, 28.10.1911 года рождения,³⁹ уроженец гор. Москвы, из мещан, русский, беспартийный. Студент ЛГУ, проживал в г. Ленинграде, пр. Володарского,⁴⁰ д. 32, кв. 3, арестован 28 июля⁴¹ 1938 года органами УНКВД ЛО. Обвинялся в проведении шпионской деятельности, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58—6 УК РСФСР.

Постановлением УНКВД ЛО от 14 июля 1939 г. дело в отношении Рутенбурга-Копейкина В. И. производством прекращено за недоказанностью обвинения. Из-под стражи в тот же день был освобожден». Под документом стоит подпись заместителя начальника Службы регистрации и архивных фондов ФСБ по СПб и ЛО. К документу приложена

³⁸ Выражаю благодарность сотрудникам архива за присланный документ. К сожалению, другие материалы «дела» В. И. остались для меня недоступными.

³⁹ Дата рождения В. И. почему-то на один день отличается от известной нам, т. е. 29 октября (по ст. ст.).

⁴⁰ В 1944 г. проспекту возвращено его историческое название — Литейный. № 32 — доходный дом, построенный в 1857—1858 гг. архитектором Э. Г. Юргенсом. С. Г. и В. И. Рутенбурги, по воспоминаниям бывавших у них дома коллег, жили в коммунальной квартире (см. напр.: *Горфункель А. Х. Моя школа, мои университеты // Судьбы, учителя, Италия: Мемуары историков.* М., 2009. С. 144). Впоследствии они дважды переселялись уже в отдельные квартиры (ул. Блохина, д. 8, кв. 9 и пр. Мориса Тореза, д. 35, корп. 1, кв. 48).

⁴¹ А не в сентябре, как говорится в процитированной статье М. Т. Петрова и А. А. Фурсенко. Вероятно, соавторы основывались на сведениях, почерпнутых из «Справки», содержащейся в «Личном деле» и составленной, безусловно, самим В. И. Там указывается, что с сентября 1935 по сентябрь 1938 г. В. И. являлся преподавателем рабфака 2-го Ленинградского медицинского института, а с сентября 1939 г. — преподавал историю в средней школе № 158. Представляется, что так легче было «укрыть» от бдительного ока отдела кадров пропуск в послужном списке (пропущенный год — с сентября 1938 г. по сентябрь 1939 г. — не бросается в глаза).

ксерокопия текста «Постановления», напечатанного на машинке на двух листах, на каждом из которых стоит штамп Архива УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области).

В левом верхнем углу документа, на котором карандашом представлены номера листов «47–48» (по-видимому, листов следственного дела), стоит виза: «Утверждаю. Начальник Управления НКВД по гор. Ленинграду Майор Гос. Безопасности Огольцов», его размашистая подпись и дата: «14 июля 1939 г.». Далее привожу текст самого «Постановления», сохраняя написание слов, пунктуацию, но раскрывая сокращения там, где это может вызвать затруднение в правильном прочтении:

«[л. 1(47)] 1939 г. июля “5” дня. Я, Мл[адший] Следователь След[ственной] Части У[правления] Н[ародного] К[омиссариата] В[нутренних] Д[ел] по гор. Ленинграду — МОРОЗИХИН рассмотрел след[ственное] дело № 56528–3 по обвинению: РУТЕНБУРГА-КОПЕЙКИНА Виктора Ивановича, 1911 г. р., ур[оженца]. г. Москвы, гр[ажданина] СССР, из мещан, до ареста чл. ВЛКСМ, студент ЛГУ, проживал — по пр. Володарского д. 32, кв. 3 — в пр[еступлении] пр[едусмотренном] ст[атьей] 58–6 У[головного] К[одекса] РСФСР — нашел:

3-м Отделом УНКВД ЛО было получено обращение из УНКВД Саратовской области, что арестованный ими быв. германский подданный БРОЭР В. П. поддерживал письменную связь на языке Эсперанто с РУТЕНБУРГОМ-КОПЕЙКИНЫМ В. И., который находясь в РККА регулярно информировал БРОЭРА о жизни и быте в РККА.

На основании этих данных 28/VII–38 г. РУТЕНБУРГ-КОПЕЙКИН был арестован с предъявлением обвинения в шпионской деятельности в пользу Германии.

Привлеченный к следствию и допрошенный в качестве обвиняемого РУТЕНБУРГ-КОПЕЙКИН В. И. на допросе от 31/VII–38 г. показал, что он в 1933 г. в г. Сталино был завербован БРОЭРОМ для шпионской деятельности в пользу Германии и передал ему ряд секретных сведений о воинских частях и оборонной промышленности (л[исты] д[ела] 15–20).

На последующих допросах РУТЕНБУРГ-КОПЕЙКИН от ранее им данных показаний отказался, заявив, что для шпионской деятельности его никто не вербовал и шпионажем в пользу Германии и других государств он никогда не занимался.

Кроме того, РУТЕНБУРГ-КОПЕЙКИН показал, что в 1929 г. // [л. 2(48)] комсомольской организацией Педагогического Института в г. Днепропетровске он был направлен в интернациональный семинар при Койдатском РК ВЛКСМ для подготовки на должность руководи-

теля по интернациональной работе в комсомоле. На одно из занятий семинара при изучении языка Эсперанто был приглашен для разговорной практики БРОЭР, с того времени РУТЕНБУРГ имел с БРОЭРОМ несколько встреч, а впоследствии до 1933 г. поддерживал с ним письменную связь на языке Эсперанто.

РУТЕНБУРГ-КОПЕЙКИН также имел письменную связь с рядом эсперантов (так. — *Н. К.*), проживающих за границей и получаемые им письма зачитывались на комсомольских собраниях и опубликовывались в газетах (л. д. 21–27).

Допрошенный в качестве обвиняемого БРОЭР В. П. никаких показаний компрометирующих (так. — *Н. К.*) РУТЕНБУРГА-КОПЕЙКИНА В. И. не дал (л. д. 28, 29–34).

Допрошенные по делу свидетели: САМАРОВ (л. д. 38–40), ЭЙЗЕНШТЕЙН (л. д. 41–43), ПРУЖАН (л. д. 41–45) компрометирующих материалов на РУТЕНБУРГА-КОПЕЙКИНА В. И. не дали и охарактеризовали его вполне, как политически благонадежного человека, активного комсомольца и общественника, а потому руководствуясь ст. 204 п[унктом] “б” У[головно]-П[роцессуального] К[одекса] РСФСР —

ПОСТАНОВИЛ:

След. дело № 56528–38 г. по обвинению РУТЕНБУРГА-КОПЕЙКИНА В. И. в пр. пр. ст. 58–6 УК РСФСР производством — ПРЕКРАТИТЬ и сдать в архив 1-го Спец. Отдела УНКВД ЛО.

Арестованного РУТЕНБУРГА-КОПЕЙКИНА В. И. из под стражи ОСВОБОДИТЬ.

Копию настоящего постановления направить Военному Прокурору Л[енинградского] В[оенного] О[круга] — для сведения».

Под «Постановлением» стоят две подписи с раскрытием фамилий. Первая из них: «Мл. Следователь След. Части (МОРОЗИХИН)», вторая — «Ст. Следователь След. Части Сержант Гос. Безопасности (ОДИНЦОВ)». «СОГЛАСЕН», — завизировал документ «НАЧАЛЬНИК СЛЕД ЧАСТИ УНКВД по гор. Ленинграду Капитан Гос. Безопасности (КОЖЕВНИКОВ)»

Можно лишь догадываться, что передумал и перечувствовал В. И., арестованный через год после женитьбы и сразу после первого серьезного успеха на конкурсе студенческих научных работ, находясь под следствием в тюрьме, которая размещалась (и по сей день размещается) всего в нескольких кварталах от его дома.⁴² Остающиеся пока

⁴² Бывший Дом предварительного заключения, ставший с 1920-х гг. следственной тюрьмой Ленинградского управления ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ-ФСБ, находится по адресу: Шпалерная ул., д. 25.

недоступными материалы следственного дела № 56528—3 могли бы пролить некоторый свет на этот вопрос.

Когда на допросе 31 июля В. И. дал «признательные показания» о своей шпионской деятельности, он, вероятно, был сильно подавлен и растерян — ведь он обвинялся в шпионаже! Статья 58 действовавшего тогда Уголовного кодекса РСФСР (принят в 1922 г.), вводившаяся «для противодействия контрреволюционной деятельности», вступила в силу 25 февраля 1927 г. Впоследствии она несколько раз пересматривалась, в частности, был обновлен перечень ее подпунктов, вступивший в силу 8 июня 1934 г. «Шпионаж» (ст. 58—6), инкриминируемый В. И., определялся так: «Передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам». За такое деяние предусматривалось «лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов Союза СССР, — расстрел или объявление врагом трудящихся с лишением гражданства и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда с конфискацией имущества».

Однако «на последующих допросах» В. И. отказался от самооговора и представил следствию подлинные факты своей биографии. Так, например, «интернациональный семинар при Койдатском РК ВЛКСМ», о котором В. И. говорил на следствии, упоминается и в его заметке «Мой зарубежный друг: об опыте переписки на эсперанто», напечатанной украинской газетой.⁴³ Рассказывая о своей переписке с японским студентом-коммунистом, автор — Виктор Копейкин — упомянул, что «закончил семинар эсперантистов Кодацкого района⁴⁴».

Свидетели с пока ничего не говорящими нам фамилиями Самаров, Эйзенштейн и Пружан (сокурсники В. И.? участники кружка эсперантистов?) «компрометирующих материалов» на него «не дали», а наоборот, характеризовали как «благонадежного человека». Твердость проявил и «допрошенный в качестве обвиняемого Броэр В. П.», о котором пока известно только то, что содержится в приведенном выше «Постановлении»: немец, арестован в Саратове или Саратовской области, т. е. на исторической территории компактного проживания немцев, где в 1918 г. была образована Автономная область немцев По-

⁴³ *Копійкін В.* Мої закордонні друзі (з досвіду листування мовою есперанто) // Студент жовтня. Дніпропетровськ. 1929. 12 ноября.

⁴⁴ Поселок Кайдаки в западной части современного Днепропетровска — остаток некогда известного городского поселения Новый Кодак (Кайдак).

волжья. Может быть, это один из героев брошюры, выведенный под именем Вилли Плетнера, приехавшего в СССР из фашистской Германии и рассказывавшего «о жизни и борьбе германского комсомола и пионерии»? — Ведь он (как и Пауль Лембке) «теперь вместе с нами активно участвуют в строительстве социализма», т. е., по-видимому, остался жить в СССР.

О допрашивавшем В. И. следователе Морозихине сведений найти не удалось.⁴⁵ А вот завизировавший Постановление Сергей Иванович Огольцов (1900–1976) — человек небезызвестный в истории органов госбезопасности.⁴⁶ Он родился в селе Канино Сапожковского уезда Рязанской губернии в бедной крестьянской семье, окончил двуклассное начальное училище и до революции был учеником письмоводителя. В 1917 г. Огольцов поступил на службу в уездный отдел ЧК, к апрелю 1920 г. занимал должность помощника уполномоченного Рязанской ГубЧК по Раненбургскому уезду, после чего был переведен в Москву, где сделал стремительную карьеру. После кратковременной стажировки он был направлен на Украину, работал в Харьковской и Полтавской чрезвычайных комиссиях. С 1923 по 1935 г. Огольцов служил в особых отделах частей РККА на Украине, в январе 1927 г. окончил Высшую пограничную школу ОГПУ. После прихода к руководству НКВД Л. П. Берия в 1938 г. и начавшейся после этого чистки «ежовских» кадров Огольцов в 1939 г. был назначен начальником УНКВД по Ленинграду и занимал эту должность до середины марта 1941 г., пока не был переведен на должность заместителя начальника УНКВД по Ленинградской области. В 1945–1946 гг. Огольцов занимал кресло заместителя наркома (министра) госбезопасности СССР по общим вопросам. «Звездный час» Огольцова пришелся на 1948 г., когда он по поручению И. В. Сталина разработал и провел операцию по уничтожению Соломона Михоэлса (1890–1938), актера, театрального режиссера и общественного деятеля.⁴⁷ После «образцово» выполненного задания

⁴⁵ Подпись следователя Морозихина, в 1940 г. — сержанта Госбезопасности — стоит под следственным делом известного физика П. И. Лукирского (1897–1954), арестованного 3 апреля 1936 г. и обвиненного в антисоветской деятельности в Ленинградском Физико-техническом институте. — См.: *Френкель В. Я.* Трудные годы Петра Ивановича Лукирского: По материалам следственного дела № 44532–38 г. // *Звезда*. 1996. № 10. С. 179–197.

⁴⁶ Огольцов С. И. // Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник / под ред. Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского. М., 1999.

⁴⁷ См.: *Вовси-Михоэлс Н.* Мой отец Соломон Михоэлс (Воспоминания о жизни и гибели). Тель-Авив, 1984. — Дискуссии вокруг дела об убийстве С. Михоэлса до сих пор не смолкают. См., напр.: *Медведев Ж. А.* Сталин

Огольцов был назначен членом Бюро по выездам за границу и въездам в СССР при Совете министров СССР, а с июля по август 1951 г. занимал пост первого заместителя министра госбезопасности. Однако в 1953 г. Огольцов был арестован по обвинению в убийстве С. М. Михоэlsa, освобожден от занимаемых должностей и уволен в запас МВД в звании генерал-лейтенанта, которого, однако, был лишен в 1959 г. Постановлением Совета министров СССР «как дискредитировавший себя за время работы в органах... и недостойный в связи с этим высокого звания генерала».

Леонид Иванович Кожевников (р. 1904), поставивший свою подпись под «Постановлением», работал в «органах» с 1926 г. В звании капитана госбезопасности он в 1938 г. был назначен начальником следственной части УНКВД по Ленинграду и области. Во время Великой Отечественной войны руководил подрывной работой в немецком тылу в Псковской области.⁴⁸ После войны Кожевников был переведен в Кировскую область и там в 1953 г. уволен в запас по сокращению штатов. В 1955 г. он также был уволен из «органов» по фактам, «дискредитирующим звание офицера».

После своего счастливого освобождения⁴⁹ В. И. вернулся на исторический факультет, с отличием закончил его и поступил в аспиранту-

и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003; *Костырченко Г.* «Дело Михоэlsa»: Новый взгляд: Дискутируя с Жоресом Медведевым // Лехаим. 2003. Октябрь. № 10 (138): <http://www.lechaim.ru/ARHIV/138/kost.htm>; № 11 (139): <http://www.lechaim.ru/ARHIV/139/kostyr.htm>; *Фрезинский Б.* Генерал Трофименко и актер Михоэls. Минск. 1948 (некоторые уточнения к книгам мемуаристов и публицистов) // Народ Книги в мире книг. Еврейское книжное обозрение. 2003. № 48: http://narodknigi.ru/journals/48/general_trofimenko_i_akter_mikhoels_minsk_1948/

⁴⁸ См: *Седунов А. В.* Псковские районные отделы НКВД–НКГБ в 1941–1944 гг. // Псков. Научно-практический историко-краеведческий журнал. 2005. № 22. С. 67.

⁴⁹ На «конец “ежовщины”» как на вероятную причину прекращения дела В. И. указывали М. Т. Петров и А. А. Фурсенко в цитированной статье. Эта версия представляется наиболее убедительной. Сменивший Н. И. Ежова на посту народного комиссара внутренних дел в декабре 1938 г. Л. П. Берия с сентября 1938 по январь 1939 г. провел широкомасштабные аресты людей Ежова в НКВД, прокуратуре и судах. В апреле 1939 г. Ежов был арестован и 4 февраля 1940 г. расстрелян. Хотя можно отметить и другие факторы, которые могли повлиять на решение «органов» прекратить «дело В. И. Рутенбурга-Копейкина», в частности советско-германское сближение, начавшееся летом 1939 г. и завершившееся подписанием 23 августа 1939 г. Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (ведь В. И. обвинялся в шпионаже в пользу Германии).

ру кафедры истории средних веков. Его арест и содержание под стражей в течение года никак не сказались на его дальнейшей биографии. Правда, может быть, именно они стали причиной крайней сдержанности и осторожности В. И. в устных и письменных высказываниях. Хотя эта осторожность не распространялась на принципиальные для В. И. научные проблемы.

До начала Великой Отечественной войны параллельно с прохождением аспирантуры В. И. преподавал историю в школах и на рабфаке при 2-м Медицинском институте.

История эсперанто-движения в СССР, в частности причины его разгрома в 1937–1938 гг., ждут своего исследователя. Хотя С. В. Яров, например, говорит не о разгроме организации, а лишь о ее кризисе, начавшемся, по его мнению, с 1934 г. В 1937 г. прекратил существование эсперанто-университет, исчезли из печати любые упоминания об эсперанто. «Еще спустя много лет после исчезновения СЭСР⁵⁰ западные эсперантисты не имели никаких сведений о том, что же случилось в конце 30-х гг. с этой организацией, — продолжает автор. — Много неясного здесь остается и по сей день».⁵¹ С этим выводом нельзя не согласиться.

С 22 июня 1941 и по 7 февраля 1946 г. В. И. Рутенбург находился в рядах Красной армии. «Начав войну младшим лейтенантом, командиром пулеметного взвода на Карельском фронте в составе 19-й армии, В. И. закончил ее майором, исполняющим обязанности начальника штаба полка на 1-м Дальневосточном фронте».⁵² На фронте в марте 1943 г. комсомолец (с 1930 г.) В. И. Рутенбург Политотделом 19-й армии был принят в ряды ВКП(б), и всю жизнь В. И. оставался убежденным и последовательным марксистом и коммунистом. За фронтовые заслуги В. И. был награжден в 1944 г. орденом Красной Звезды.

После демобилизации В. И. вернулся в аспирантуру, а уже 1 марта 1946 г. по распоряжению исполняющей обязанности заведующего ЛОИИ К. Н. Сербиной был зачислен в штат института «в качестве работника» с окладом 300 рублей в месяц.⁵³ Рекомендацию для поступления на работу ему дал О. Л. Вайнштейн, который, заметим, не мог не знать об аресте и годовом отсутствии выпускника и аспиранта своей

⁵⁰ Союз эсперантистов советских республик официально не был распущен, фактически его деятельность прекратилась в 1937 г., когда все его руководители были репрессированы.

⁵¹ Яров С. В. Эсперантизм... С. 94.

⁵² Петров М. Т., Фурсенко А. А. Памяти Виктора Ивановича Рутенбурга. С. 307.

⁵³ «Личное дело», л. 13.

кафедры. В документе, датированном 8 марта 1946 г. и адресованном в Дирекцию ЛОИИ, говорилось: «Рекомендую Виктора Ивановича Рутенбурга на должность мл. н. сотрудника, зав. Архивом Лихачева в ЛОИИ. Тов. Рутенбург прекрасно подготовлен для такой работы, имеет печатн. труд,⁵⁴ представляющий серьезное научное исследование, основанное на материалах Лихачевского фонда; обладает основательной историч. подготовкой, знаком с иностр. языками, особенно с латинск. и итальянским».⁵⁵ Помощник ректора ЛГУ по аспирантуре профессор П. О. Макаров «не возражал» против работы аспиранта университета по совместительству «в архиве западных рукописей».

В 1948 г. В. И. закончил обучение в аспирантуре ЛГУ и 15 июня 1949 г. защитил в ЛОИИ кандидатскую диссертацию «Флорентийские компании XIV века: (из истории раннего капитализма)», его оппонентами были Е. В. Тарле, М. В. Левченко и Е. Ч. Скржинская. В 1951 г. переработанный текст диссертации был издан в Ленинграде отдельной книгой под названием «Очерк из истории раннего капитализма в Италии: флорентийские компании XIV века».

В 1951 г. В. И. был переведен на должность заведующего Западно-европейской секцией Архива ЛОИИ, в которой в дальнейшем ему предстояло сделать немало научных открытий,⁵⁶ а в 1952 г. был включен в состав Ленинградской секции Ученого совета Института истории, членами которого были академики Б. Д. Греков (председатель секции), В. В. Струве, Е. В. Тарле, И. И. Толстой, а также известные историки С. Н. Валк, М. В. Левченко, Б. А. Романов, И. И. Смирнов, Д. П. Каллистов, М. Е. Сергеенко и др.⁵⁷ В 1951–1952 гг. В. И. заведовал аспирантурой и был ученым секретарем ЛОИИ. 20 апреля 1953 г. отделение Института истории в Ленинграде было ликвидировано, но Научный архив, куда был переведен В. И., сохранялся. В начале 1956 г. Ленинградское отделение Института истории было восстановлено.⁵⁸

⁵⁴ К этому времени у В. И. было уже два научных труда. Статья «Налогообложение и общественный кредит Флоренции XII–XV веков» вышла в «Ученых записках ЛГУ» в 1941 г. (Сер. ист. наук. Вып. 10. С. 139–168).

⁵⁵ «Личное дело», л. 12.

⁵⁶ Об этом см., напр.: *Срединская Н. Б.* Документы по истории города из отечественных архивов в трудах В. И. Рутенбурга // *Культура и общество Италии накануне нового времени.* М., 1993. С. 9–15.

⁵⁷ «Личное дело», л. 31.

⁵⁸ Подробнее см.: *Панеях В. М.* Упразднение Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР в 1953 году // *Вопросы истории.* 1993. № 10. С. 19–27.

Дальнейшая научная биография В. И. достаточно хорошо известна, поэтому изложу ее конспективно.

Работая до конца жизни в ЛОИИ, В. И. с 1950 г. параллельно преподавал в ЛГУ, который с 1948 г. стал носить имя А. А. Жданова, на кафедре истории средних веков. В 1971 г. он получил звание профессора. В разное время В. И. читал общие курсы истории средних веков и истории Италии, ряд специальных курсов, а также вел спецсеминары.⁵⁹

В сентябре 1956 г. состоялась первая зарубежная научная командировка В. И. — он поехал во Флоренцию на III Конгресс архивистов и месяц работал в итальянских архивах.

14 мая 1959 г. в качестве докторской диссертации В. И. защитил монографию «Народные движения в городах Италии (XIV — начало XV вв.)», изданную в Москве в 1958 г. и впоследствии переведенную на итальянский (1971) и испанский (1983) языки. На диспуте его оппонентами выступили С. Д. Сказкин, М. А. Гуковский и А. И. Неусыхин, которые высоко оценили монографию, во многом базирующуюся на материалах итальянских архивов.

В ЛОИИ В. И. Рутенбург возглавлял группу (с 1977 г. — сектор, с 1986 г. — отдел) всеобщей истории⁶⁰ и оставался на этом посту до 13 января 1988 г., когда объявил о своем решении покинуть пост и передал заведование отделом А. А. Фурсенко.

1976 г. был для В. И. счастливым: в апреле Ассамблея Лигурийского академического общества избрала В. И. своим почетным членом, в июле Тосканская академическая депутация объявила о его избрании своим иностранным членом, а в декабре В. И. Рутенбург был избран членом-корреспондентом АН СССР.

В 1987 г. наряду с другими членами редколлегии и авторами 13-томной «Всемирной истории» (М., 1955—1983) В. И. получил Государственную премию СССР.

⁵⁹ В частности, автор настоящей статьи, также выпускница кафедры истории средних веков ЛГУ, кроме курса истории Италии в средние века и в эпоху Возрождения, слушала у Виктора Ивановича спецкурсы по истории средневековой Флоренции и Генуи, а также под его руководством участвовала в семинарах по комментированному чтению (на языке оригинала) «Истории Италии» Франческо Гвиччардини и «Истории Флоренции» Макьявелли. — Кстати, именно В. И. Рутенбург «ввел» (правда, на непродолжительное время) написание фамилии «Макьявелли» с «-кья-», а не с традиционным «-киа-» (Макиавелли). — См.: *Никколо Макьявелли. История Флоренции* / пер. Н. Я. Рыковой, общ. ред., послесловие и комментарии В. И. Рутенбурга. Л., 1973; изд. 2-е: М., 1987 (Памятники исторической мысли).

⁶⁰ «Личное дело», л. 86. — Назначение на пост заведующего группой всеобщей истории не оформлялось приказом по ЛОИИ.

В. И. являлся членом целого ряда отечественных и зарубежных научных институций: с 1963 г. он возглавлял Ленинградскую общегородскую группу по изучению истории Италии, с 1970 г. входил в Исполком Международной комиссии по истории городов при Международном комитете исторических наук, с 1977 г. — возглавлял Комиссию по проблемам культуры Возрождения при Научном совете по истории мировой культуры АН СССР, с 1981 г. являлся ответственным редактором сборника «Средние века». Он был членом редколлегии ряда продолжающихся изданий: «Вспомогательные исторические дисциплины»,⁶¹ «Проблемы итальянской истории», «Средневековый город» (Саратов), членом нескольких научных советов АН ССР.

В. И. всегда был, по бытовавшему в то время выражению, «выездным» и представлял отечественную науку на различных международных форумах. Много раз он бывал в Италии и других европейских странах, а также в США. Последняя его командировка в Андорру должна была состояться в 1988 г. — он до нее не дожил.

Скончался В. И. Рутенбург 6 мая 1988 г. в Ленинграде, в больнице Академии наук, и был похоронен на Серафимовском кладбище. С. Г. Рутенбург передала его архив в Западноевропейскую секцию Научно-исторического архива СПбИИ РАН, где так много и плодотворно трудился В. И. В настоящее время я завершаю описание личного фонда В. И., начатое еще в преддверии его столетнего юбилея. Можно надеяться, что материалы фонда помогут будущим исследователям написать более полную биографию замечательного историка и яркого человека — Виктора Ивановича Рутенбурга.

⁶¹ В составе редколлегии ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины» В. И. Рутенбург состоял с момента его основания в 1968 г. и до конца своей жизни. Он принимал участие в редактировании первых двадцати выпусков сборника. — За эту информацию приношу благодарность Е. К. Пиотровской, бессменному ответственному секретарю сборника.

Виктор Иванович Рутенбург: историк Ренессанса в эпоху «тоталитаризма»

Я впервые увидел Виктора Ивановича Рутенбурга зимой 1970/1971 г. во время студенческой и аспирантской конференции, которая проходила в Ленинграде на историческом факультете университета. Эта конференция во многом повлияла на мою дальнейшую судьбу, она подкрепила и без того довольно твердое желание заниматься наукой и помогла, насколько это возможно, рассеять некоторые сомнения относительно направления этих занятий и общих критериев их оценки.

Большое впечатление произвело то, что некоторые из тогдашних мэтров советской медиевистики — В. И. Рутенбург, А. Д. Люблинская, А. Х. Горфункель — внимательно выслушивали доклады начинающих историков и активно участвовали в их обсуждении. Вообще атмосфера ленинградской учености, как мне показалось, менее формальная и скованная, чем в Москве, вдохновляла на дальнейшие свершения; общение с коллегами-ровесниками и зрелыми учеными, кулуарные обсуждения тем, даже застолья, которые я бы назвал непременной частью научной программы, усиливали это впечатление.

В. И. Рутенбурга я знал и раньше, прежде всего по его работам «Очерк из истории раннего капитализма в Италии» и особенно — «Народные движения в городах Италии...». Занимаясь итальянским Ренессансом, невозможно было обойтись без знакомства с ними, но мое отношение, в частности, к последней было довольно прохладным, причем не в силу каких-то недостатков самой монографии, которая была написана на основе оригинальных источников и получила признание за рубежом. Дело было в самом жанре, в выборе тематики, казавшейся в то время достоянием вчерашнего дня (она была написана в 1958 г.). Конечно, и в 1960-е и в 1970-е гг. нас учили мыслить в рамках строгой марксистской схемы формаций, которые допускали разномыслие преимущественно лишь в пределах установления дат зарождения капитализма в отдельных регионах или уточнения классовой природы Возрождения (дискуссия об этом проходила в 1950-е гг. и сопровождалась всплесками бурных эмоций). Это не вызывало резкого отторжения, но молодому человеку, выросшему в послесталинскую эпоху и формировавшемуся в период хрущевской оттепели, казалось уходящей натурой, схоластикой, отчасти данью сложившейся политической системе. Настоящую науку хотелось искать в чем-то другом, в приближении к людям и их поступкам, несводимым к игре социально-экономических

сил. Кстати, проблематика должного и сущего так и осталась для меня одной из главных по сей день.

Здесь и в этой связи я хотел бы сделать отступление, поясняющее заголовок этого текста: «Историк Ренессанса в эпоху “тоталитаризма”». Последний термин взят в кавычки, потому что я не считаю его научным или вполне пригодным для научного «дискурса», он несет, на мой взгляд, идеологическую нагрузку, и, в частности, служит оправданием для уподобления сталинского Советского Союза фашистской Германии. Мне это представляется абсолютно неправомерным именно с точки зрения историка, потому что при несомненном типологическом сходстве политических режимов и других параметров это были разные страны, разные общества и даже разные системы. Без таких оговорок употребление слова «тоталитаризм» мне кажется данью социально-политической моде, дежурным идеологическим клише, точно таким же, как в советские времена были «капитализм», «коммунизм» и им подобные (сегодня «демократия»). Тем не менее этот термин здесь употреблен, отчасти в ироническом духе, для того чтобы обозначить проблему, с которой сталкиваются историки и другие гуманитарии, да и вообще трудящиеся, желающие и ощущающие необходимость как-то определиться в отношении «господствующей идеологии», а правильнее сказать, — ощущающие необходимость от нее отмежеваться. Ведь тоталитаризм в своем прямом значении подразумевает именно всепроникающий контроль над умами, а для науки такой контроль губителен, он мало с ней совместим. Идеология строится на вере в правильность общепринятых истин, а наука начинается с сомнения в их правильности.

Вряд ли кто-то будет отрицать, что такая проблема в советской науке существовала, хотя в разные годы по-разному, и было бы нелепо связывать ее наличие исключительно с марксизмом. Его идеологический статус нанес самому марксизму как научной теории, то есть одному из способов описания и понимания социальной действительности (коим он остается и по сей день), большой урон. Но и зачеркивать на этом основании результаты работы советских историков или философов было бы неправомерно. Речь о том, что существовала особая ситуация, когда наличие идеологических оков провоцировало специфический творческий поиск, не обязательно «против», но поиск чего-то иного. Я хочу сказать, что творческая свобода заключается не в том, чтобы утверждать или отрицать ту или иную идеологию в целом, а в том, чтобы была возможность такого отрицания или утверждения в принципе и вообще отрицать или утверждать что угодно, если при этом никакое животное не пострадает. (А противное, если угодно, и есть тоталита-

ризм.) Так вот, в определенном смысле творческая свобода в советской гуманитарной науке существовала, и ее заповедниками были как раз области, относительно удаленные от злобы дня, в том числе история средних веков включая эпоху Возрождения. Разумеется, этой историей занимались разные люди с разными судьбами и разным выбором политической позиции, от фрондерской до верноподданической. Но, как правило, эти судьбы были непростыми даже у людей, казавшихся мне тогда по молодости незыблемыми столпами официальной науки.¹ Об этом можно судить, например, по мемуарам Е. В. Гутновой, вызвавшим полемическую реакцию А. Я. Гуревича. Мне эти мемуары представляются замечательным человеческим и историческим документом, во всяком случае не менее значимым, чем собственно научные труды Евгении Владимировны.

Сейчас я вижу, что моему поколению пришлось во многом идти по стопам ученых 1930-х — 1950-х гг. и сталкиваться с похожими трудностями, но в совершенно иных обстоятельствах, наверное, даже более благоприятных. О непростых эпизодах биографии В. И. Рутенбурга я в то время почти ничего не знал, но получилось так, что именно Виктор Иванович больше всего помог мне продолжить научную карьеру, чего я очень упорно добивался, — до конца и теперь не могу сказать, не была ли то война с ветряными мельницами. Конечно, помогали и другие добрые люди, но наибольшее участие и наибольший вклад в этом смысле были оказаны Виктором Ивановичем. Что заставило его помогать малознакомому молодому человеку с какими-то своими идеями, с неизбежными амбициями, при столь значительной дистанции в возрасте и некоторой разности научных подходов? Возможно, здесь сыграло свою роль упомянутое выше сходство в выборе жизненного пути, которое Виктору Ивановичу было, вероятно более заметно с высоты его житейского опыта. Плюс то, о чем излишне говорить здесь подробно, — абсолютная порядочность петербургского интеллигента, настоящая принципиальность и доброжелательное отношение к молодежи, о чем могут рассказать и многие другие.

Как бы то ни было, после окончания МГУ я оказался в ситуации, когда при наличии рекомендации в аспирантуру никаких шансов поступить туда не было, и даже получить какую-то приемлемую работу было сложно — всё это исключительно вследствие ситуации, сложившейся

¹ Любопытно, что В. И. Рутенбург оказался одним из двух главных героев статьи Н. А. Селунской, также посвященной судьбам медиевистов в «тоталитарном» обществе. — См.: *Селунская Н. А.* Италия, народ, коммуна в тоталитарном дискурсе медиевализма Джоаккино Вольпе и В. И. Рутенбурга // *Диалог со временем.* Вып. 39. М., 2012. С. 240–255.

тогда в высокой политике, назовем это так. В конце концов, по совету моих петербургских приятелей, в частности М. Т. Петрова, я стал склоняться к тому, чтобы обратиться к В. И. Рутенбургу с просьбой быть моим научным руководителем при работе над диссертацией, продолжавшей студенческое изучение Макиавелли. В это время вышел перевод «Истории Флоренции» Макиавелли с примечаниями и большой статьей Виктора Ивановича о биографии и творчестве великого и всегда неоднозначно воспринимаемого флорентинца. Здесь необходимо упомянуть об одной курьезной, но характерной истории, которая по сей день вызывает интерес у моих коллег и друзей. Речь идет о русском правописании фамилии Макиавелли, которое в XIX — начале XX в. утвердилось именно в такой транскрипции (в старой орфографии первое «и» писалось с точкой), а во второй половине прошлого века было подвергнуто некоторой модернизации, вероятно, из соображений приведения его в соответствие с предполагаемым оригинальным, т. е. итальянским произношением.

Если я не ошибаюсь, впервые такое написание, где упомянутое «и» было заменено мягким знаком, Макьявелли, появилось в издании комедии «Мандрагора» с предисловием И. П. Володиной (1958).² Затем эту новацию переняли некоторые другие итальянисты, и в вышеназванном издании «Истории Флоренции» было использовано именно такое написание. Мне этот вариант не нравился и не нравится до сих пор по многим соображениям, прежде всего потому, что у каждого языка свои правила, и традиция складывается не случайно. Вообще менять традиции без особой надобности не следует, на традициях строится культура. Но даже если принять в данном случае за основу фонетику итальянского языка, предложенная поправка не только не приближает к ней русский вариант написания, но скорее удаляет от нее. Итальянец никогда не скажет [МкйавЕлли], как оно звучит в данной русской транскрипции, поскольку первые два слога безударные, а мягкий знак перед «я» акцентирует именно «и краткое» вместо обычного «и», редуцирующего это звукосочетание.

Другое дело в ударных слогах (кЬЯро) или в том же «маккья» (кусты), где звуки «к» и «я» («йа») следуют за ударным слогом, здесь звук и / и краткое можно и подчеркнуть. Хотя, на мой взгляд, итальянскому

² Кстати, В. И. Рутенбург, очевидно, подражая итальянцам, делал ударение на первом слоге, хотя в русской традиции обычно говорят «мандрагoра». Какому принципу здесь следовать и возможен ли здесь вообще единый и «правильный» для всех случаев принцип, сказать сложно. Сейчас я считаю (и об этом еще говорится ниже), что следовать норме исходного языка далеко не всегда обязательно, а иногда и неправильно.

языку не присуще столь четкое произношение подобных звуков, и, например, слово Сиена правильнее писать, по-моему, через «и», а не через мягкий знак, как иногда делают из благих побуждений, то есть стараясь приблизиться к оригиналу.³

В общем, это расхождение с Рутенбургом в таком, казалось бы, не принципиальном вопросе мне казалось принципиальным и препятствующим вышеупомянутым планам. К счастью, в процессе установления контактов, в котором принимал участие тот же Марк Петров, выяснилось, что Виктор Иванович обладает значительной терпимостью в подобных вещах, и что разночтение в фамилии не является непреодолимым препятствием. Кстати, впоследствии мы как-то обсуждали этот вопрос с Виктором Ивановичем, и он, между прочим, сказал, что сам жалеет о принятом им нововведении по той простой причине, что кто-то стал писать по-новому, кто-то продолжил по-старому, а старые издания в любом случае уже не исправишь, то есть появился некоторый разброд. Что касается темы диссертации, содержания, направления и прочего, Виктор Иванович не ставил никаких условий, но его участие было конкретным и деловым.

Итак, с помощью В. И. Рутенбурга в 1976 г. (или в 1977 г.) я стал соискателем ученой степени при ленинградском Музее истории религии и атеизма и в 1980 г. защитил диссертацию на историческом факультете Ленинградского университета, что дало мне право причислять себя к сонму его учеников. Содействие Виктора Ивановича в ходе всего этого процесса было неоценимым, и опять-таки, без его помощи и авторитета он бы вряд ли завершился благополучно. Достаточно сказать, что свою первую статью, написанную по материалам дипломной работы (а в дипломные работы зачастую вкладывается не меньше стараний, чем в диссертации), я смог опубликовать только уже в бытность Виктора Ивановича главным редактором сборника «Средние века», в 1978 г.; до этого она лишь переходила от одного рецензента к другому, не получая ни однозначно одобрительной, ни отрицательной оценки. На первом обсуждении главы моей диссертации в музее ситуация тоже была довольно неопределенной и разрешилась положительно для меня благодаря выступлению Виктора Ивановича. В прениях был задан вопрос о том, действительно ли я вступаю в этой главе в полемику с Марксом. На деле никакой полемики не было, но

³ Еще раз отмечу, что установка на то, что фонетический вариант исходного языка является «правильным» и к его воспроизведению нужно стремиться в родном языке, исправляя традиционные, не только неверна, но и представляет собой, на мой взгляд, продукт современного стандарта полуобразованности, о чем подробнее здесь распространяться нет возможности.

я позволил себе дать собственное толкование известных цитат классика, в которых упоминается Макиавелли. Наверное, мой ответ был не очень вразумительным, и ситуацию разрядили лишь пояснения научного руководителя, который с никогда не покидавшим его чувством юмора сначала покритиковал меня за какие-то весьма малозначительные неясности в сокращениях, а затем довольно пространно (и не вдаваясь в мою трактовку Макиавелли) стал говорить о воззрениях Маркса на историю, начав, помнится, с цитаты из основоположника о том, что, строго говоря, существует только одна наука — история.

В дальнейшем мое общение с Виктором Ивановичем протекало больше по переписке: я посылал ему готовые главы, а он свои замечания, как правило, очень краткие, в виде открыток, заполненных его своеобразным мелким и четким почерком. Обращался он ко мне в этих посланиях, если я правильно помню, по имени-отчеству: «Уважаемый Марк Аркадьевич», а заканчивал их словами «Всего доброго». Впоследствии я перенял эту манеру, так что сегодняшнее составление писем служит мне своеобразным напоминанием об этой переписке. Встречались мы также и в Москве, на конференциях по культуре Возрождения, которые в то время собирали много народу, в том числе и ленинградского. Вероятно, эта тематика приобретала особое общественное значение в годы так называемого застоя, как всякий культурно-исторический сюжет, допускавший существенную дискуссионность.

Не буду подробно распространяться о формальной и технической стороне наших контактов; не совсем ловко даже вспоминать о том беспокойстве, которое должны были причинять Виктору Ивановичу мои просьбы, касавшиеся согласования сроков моих приездов, заказа гостиницы и т.п. После защиты диссертации Виктор Иванович также содействовал моим попыткам продолжить научную деятельность: в 1986 г. он одобрил один из предложенных мной проектов перевода памятников исторической мысли, а именно — «Хроники» Джованни Виллани, и стал ответственным редактором этого издания (публикация была осуществлена только в 1997 г.). Были и другие планы — издание монографии по материалам кандидатской диссертации, начало работы над докторской, но всё это воплотилось в жизнь уже после моего перехода в Институт всеобщей истории РАН, также не без участия Виктора Ивановича, но, к сожалению, после его кончины в тяжелом 1988 г. Наше общение после 1980 г. продолжалось во время моих летних посещений Ленинграда (я работал переводчиком с туристическими группами), когда я считал своим долгом заглянуть в гостеприимный загородный дом Виктора Ивановича и Софьи Григорьевны на холме в Кавголово, — не уверен, что для хозяев эти визиты были столь

же приятны и ко времени, но никаких признаков неудовольствия с их стороны я не замечал. Несколько раз я навещал их и в Москве, когда они приезжали в академический дом отдыха в Ясенево.

Наши беседы касались новостей, планов и проектов работы, но обычно не выливались в обсуждение каких-то собственно научных проблем. Вообще, как я уже сказал выше, Виктор Иванович был скуп на замечания по существу присылаемых ему материалов, хотя по частным пометкам было ясно, что прочитывал он всё внимательно. Такая же история повторилась и при подготовке упомянутого перевода Виллани: Виктор Иванович прочел всю объемистую рукопись, сделал ряд частных замечаний к тексту и примечаниям, но их было немного. Не знаю, насколько такая краткость характерна для Виктора Ивановича вообще, и был ли он столь же лаконичен в отношениях с другими учениками. В иных случаях, например, в выступлениях на конференциях по Возрождению (он был председателем соответствующей академической комиссии), как и в своих книгах, В. И. Рутенбург высказывался достаточно пространно и недвусмысленно, допустим, в ходе полемики о книге А. Ф. Лосева «Эстетика Возрождения», или при обсуждении других книжных новинок. Впрочем, категоричности и назидательности он, вероятно, избегал; помню, как на одном из таких обсуждений он с иронией употребил в этом смысле выражение «перст указующий» применительно к кому-то из авторов или критиков.

О себе он говорить, по-видимому, не очень любил, и когда я упомянул в каком-то разговоре имена ленинградских чекистов 1930-х гг., не зная или не задумываясь о том, что ему довелось иметь с ними дело лично, он ограничился фразой, что да, дескать, были такие персонажи. «Невмешательство» в творческие поиски учеников я склонен объяснять как деликатностью Виктора Ивановича, так и пониманием того, что написать полноценную научную работу способен лишь человек, работающий самостоятельно, находящий в себе основные стимулы и импульсы к исследованию. На практике иногда хотелось получить более подробный отзыв и оценку того или иного материала, но во всяком случае нельзя не поблагодарить В. И. Рутенбурга за то, что в отличие от многих других научных руководителей, он никогда не навязывал свой подход и свою точку зрения, оставляя за учениками большую свободу.

Чему и как в таком случае можно было научиться в процессе этого взаимодействия, или, другими словами, какие именно позитивные впечатления и уроки остались от общения с Виктором Ивановичем? Действительно, некоторые вещи просто запали в память, и как это бывает, всплывают по прошествии лет, когда их восприятие уже несколько иное.

Нередко я вспоминаю высказывание В. И. Рутенбурга в связи с принятыми некогда ВАКом требованиями к диссертациям: «диссертация — это школа, настоящая научная работа начинается после защиты». Мне кажется, это суждение при некоторой парадоксальности справедливо и по отношению к докторским диссертациям: полноценное исследование выигрывает от того, что оно не сковано рамками квалификационного труда, и человек, имеющий опыт защиты таких трудов, должен выработать для себя критерии, позволяющие самостоятельно ориентироваться в науке. Виктор Иванович любил цитату из Ипполита Тэна: «Искусство — это резюме жизни», которую он применял к истории. Очевидно, эта формула характеризует ту сторону его творчества, которая выходила за рамки распространенных в то время схем и подходов и которая более заметна в его поздних работах. Хотя как историк он любил типологические портреты и сравнения, наличествующие именно в этих книгах, посвященных «титанам Возрождения» и истории итальянских городов. Конкретные впечатления и мысли, не выливавшиеся в строго научные обобщения, находили место в записках и воспоминаниях, отрывки из которых были опубликованы в 1993 г.⁴ В «Итальянских миниатюрах» книжные знания истории оживают при соприкосновении с памятниками старины и современными реалиями. Датированные 1959–1962 гг., они свидетельствуют о некоторых литературных амбициях автора и, видимо, предназначались для печати.

В этих субъективных заметках я не пытался дать сколько-нибудь цельную характеристику В. И. Рутенбурга как ученого и как человека, они лишь суммируют некоторые впечатления, относящиеся к эпохе 70–80-х гг. прошлого века, уже далекой, но близкой и значимой для людей моего поколения. Не могу не сказать, однако, что работа историка, воскрешающего прошлое, приобщает его к вечности и сама вливается в историю. Думаю, что этот тезис вполне применим к трудам Виктора Ивановича, которые тиражируются сегодня в электронном виде и, следовательно, востребованы современным читателем.

⁴ *Рутенбург В. И. Итальянские миниатюры (Воспоминания об Италии) // Россия и Италия / отв. ред. Н. П. Комолова. М., 1993. С. 316–344.*

**«В порядке научной дискуссии»:
В. И. Рутенбург и Н. П. Соколов о Венеции XIII в.**

«Об итальянском городе написано огромное количество книг, однако многие существенные стороны его истории рассматриваются недостаточно полно, а нередко, по традиции, и недостаточно верно. На данном этапе урбанистики назрела необходимость в пересмотре некоторых положений в свете марксистской методологии. Не пытаясь охватить все стороны развития города, эта книга, написанная в виде очерков, в качестве **главной проблемы** (выделено автором статьи. — *Ред.*) обращается к анализу **особенностей итальянского города**. В каждом из очерков рассматривается какая-то одна характерная черта городской жизни на примере города, который и дает название очерку, а затем привлекается материал из истории других городов, близких по своему типу к первому», говорится во введении к известной книге В. И. Рутенбурга.¹

К решению этой задачи Виктора Ивановича Рутенбурга подводил многолетний опыт историка. Известно, что им было задумано масштабное обобщающее исследование по истории Италии. К этому вели его опубликованные работы, конспекты спецкурса для студентов филологического факультета и кафедры истории средних веков исторического факультета ЛГУ, отдельные наброски. Его книга «Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения: Очерки» была издана издательством «Наука» в 1987 г. по решению и под грифом Отделения истории Академии наук СССР (176 с., тираж 6600 экз.), с указанием в аннотации: «монография, рассчитанная на историков», в которой «рассматриваются проблемы возникновения и развития итальянского города VIII–XVI вв., его экономической, политической и культурной жизни, дается критика буржуазных теорий истории города».

Книге предпослано введение, озаглавленное «Особенности развития итальянского города», и затем рассмотрено историческое своеобразие и «относительная прогрессивность для Италии системы полицентризма», благодаря которому именно на итальянской земле расцвело Возрождение: «то, что формально получало характеристику феодальной раздробленности, в действительности представляло собой специфическое для Италии явление полицентризма городов», писал Рутенбург. Итальянцам была чужда идея единой столицы. «Полицентризм — одна из существеннейших черт истории итальянского города,

¹ Рутенбург В. И. Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения: Очерки. Л., 1987. С. 10.

истоки его находятся еще в античности, но в новом социальном качестве проявляются в средневековом городе».² Но на этом итальянский город не закончил свою историю, обнадежил автор в завершение. «Он был активной действующей ячейкой и в период глубинных истоков Рисорджименто, и несомненно в эпоху борьбы за независимость и объединение Италии», отмечал Виктор Иванович и заключал, говоря об итальянских городах позднего средневековья: «Столь велика и показательна была их роль накануне Нового времени».³

Очерки представлены во временной последовательности от античности до Возрождения: Турин античный и средневековый, Крема героическая, Флоренция полопанская, Милан цеховой, Генуя банкирская, Сиена восставшая, Падуя аграрная, Болонья ученая, Флоренция возрожденческая. Структура книги строго следует за историческим материалом, при этом обращает на себя внимание, что хотя в книге роль Венеции как одного из ведущих и заметных участников европейской жизни не умаляется, отдельный очерк о ней в продуманной и логичной структуре, выстроенной Рутенбургом, отсутствует.⁴ Венеция — город «новый», возникший на островах лагуны не раньше V в. н. э., даже если принимать на веру год основания, даваемый хрониками, — 421-й, который празднуется венецианцами, следующими традиции предков.⁵ На собрании ассоциации «Венеция» я записал слова председателя — «*celebriamo celebrazione*» («мы празднуем праздник, который отмечали наши предки»). В истории средневековой Венеции не приходится искать античные корни, в частности топографический показатель эволюции.⁶ Отсюда, скажем, притязания Падуи считаются

² Рутенбург В. И. Итальянские миниатюры. С. 8–9.

³ Там же. С. 10.

⁴ Итальянский журналист и писатель Итало Кальвино (1923–1983) в книге «Невидимые города» (*Le città invisibile*. 1-е изд. 1972 г.) повествует о беседах Марко Поло с Хубилаем в его столице. Когда хан спросил у венецианца, почему он не рассказывает о своем родном городе, тот ответил, что, описывая другие города, только о Венеции и говорит, таким образом характеризуя ее со всех сторон. — Подсчет упоминаний названий городов в тексте монографии дает следующие результаты: Болонья — 20, Венеция — 17, Генуя — 30, Лукка — 17, Милан — 25, Неаполь — 13, Рим — 19, Сиена — 22, Флоренция — 58. Справедливости ради отметим также отсутствие очерка о Риме, но оставим Рим в стороне — это папский город.

⁵ См. об этом: Климанов Л. Г. Обретение Венецией моря: право, история, символы // Причерноморье в средние века. М., 1998. Вып. 3. С. 145–163.

⁶ См.: Климанов Л. Г. Донжон и кампанила: *forma urbis* и урбанистическое сознание // Античный и средневековый город. Тезисы докладов седьмых сюжетовских чтений. Екатеринбург; Севастополь, 1994 (1995).

основательницей города на островах лагуны, для чего использовался подложный документ.⁷

В записях об Италии, которые Виктор Иванович вел в отдельной тетрадке, а затем переписал в другую, в красивом кожаном переплете, есть несколько заметок о венецианцах («Гаэтано Коцци — Сан Джорджо, красив, умен; Джорджо Феррари — Библиотека Национале Марчиана» и др.),⁸ и об особенностях их языка («*due centi cinquanta*» венецианцы произносят как «*du zenti zenquanta*»). Свое общее отношение к историческому опыту Венеции В. И. Рутенбург высказал в замечаниях на текст автореферата докторской диссертации «Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы (XI—XIII вв.)» Николая Петровича Соколова (1890—1978), историка, девизом которого было: «История не прощает измен», заведующего кафедрой всеобщей истории историко-филологического факультета Горьковского университета в 1958—1969 гг. После тщательной доработки, требовавшей большого труда прежде всего в добывании нужных книг, диссертация была издана под названием «Образование Венецианской колониальной империи» (Издательство Саратовского университета, 1963, 542 с., тираж 600 экз.) и при всех своих особенностях, понятных для того времени и обстоятельств, по сей день остается едва ли не единственной монографией на эту тему.⁹ Свой труд Н. П. Соколов посвятил «светлой памяти Митрофана Васильевича Левченко».

Заметки на трех листах написаны четким убористым почерком, строки ровные, текст без полей; эти листы вместе с машинописным экземпляром (копией) ответа, подписанным Н. П. Соколовым,

⁷ См.: *Lazzarini V. Scritti di paleografia e diplomatica / a cura di colleghi, discepoli, ammiratori. Venezia, 1938.*

⁸ Судьба тетрадей мне неизвестна, я выписал приведенные заметки с разрешения С. Г. Рутенбург в 1988 г. — Г. Коцци (1922—2001) — историк, основатель и долгое время руководитель Отделения исторических исследований Венецианского университета (см. сборник, подготовленный учениками и коллегами к его 70-летию: *Studi veneti. Offerti à Gaetano Cozzi / a cura di G. Benzoni, M. Berengo, G. Ortalli, G. Scarabello. Venezia, 1992.*) — Сан-Джорджо Маджоре — расположенный в лагуне остров с находящимся на нем зданием бывшего бенедиктинского монастыря, закрытого после падения Республики. В 1951 г. приобретен графом Витторио Чини, коллекционером и меценатом (1884—1977), который после реставрации зданий передал их Фонду Джорджо Чини, учрежденному им в память своего сына, погибшего в авиакатастрофе. Фонд является центром венецианской культуры, занимается разносторонними исследованиями, издает журнал «*Studi Veneziani*».

⁹ См.: *Григорьева Е. А., Кузнецов А. А.* Историк Н. П. Соколов — новые данные к биографии ученого // Диалог со временем. Вып. 41. М., 2012. С. 163—180.

и авторефератом диссертации, также с пометами В. И. Рутенбурга на полях, были вложены в книгу Соколова.¹⁰ Листы с заметками Рутенбурга озаглавлены «Серьезная монография, окутанная феодальным миражом», и сопровождаются пояснением: «не в порядке опровержения, а в порядке научной дискуссии». Дискуссия в основном велась не о Венеции, а вокруг терминов «класс» и «феодализм», их содержания и употребления. Свою реакцию на некоторые соображения Соколова Виктор Иванович выделил особо: так, к фразе «О Венеции XIII в. можно говорить как об одном из центров Европы, где шла подготовка некоторых условий для капиталистического производства», Виктор Иванович пишет четко яркими чернилами **«Вот это и не исследовано!»** (с. 26).

Ответ Н. П. Соколова дает полное представление о его позиции. Привожу его по вышеназванной копии, под которой стоит подпись автора.

«По поводу замечаний Виктора Ивановича Рутенбурга.

1. В. И. предлагает уточнить и унифицировать термины “класс” и “классы” в Венеции, причем речь идет конкретно о правящем классе Венеции, который я называю, по мнению В. И., недостаточно точно и не всегда одинаково. В. И. приводит примеры: «класс арматоров и купцов (стр. 8 и 15); класс “феодалов, купцов и ростовщиков” (стр. 19); “деловой люд” (стр. 33); верхи “делового люда” (там же)... прежде всего я должен сказать, что “деловой люд”, о котором идет речь на (стр. 33), вовсе не принадлежит к правящему классу и потому, естественно, не может быть определен терминами или термином, которыми я пользуюсь для обозначения правящего класса. Об унификации здесь не может быть и речи.

Правящий же класс я неизменно, поскольку это позволяет фактическое положение дела, определяю одними и теми же словами: он состоит из феодалов, арматоров, купцов и ростовщиков, причем это надо понимать так, что одни и те же лица могут выступать и феодалами, и купцами, и ростовщиками, и арматорами или представлять собою лишь некоторые из этих разновидностей, например, быть одновременно феодалом и купцом, ростовщиком и арматором и т. д. При таком положении дела в моем распоряжении нет более точных терминов, которыми я мог бы воспользоваться для раскрытия понятия — “правящий класс в Венеции”.

¹⁰ Незадолго до смерти Виктора Ивановича я попросил у него книгу Соколова, и она так и осталась у меня вместе с содержимым в целостности и сохранности. Вложенные листы будут приобщены к личному фонду Рутенбурга в Научно-историческом архиве СПб ИИ РАН.

В этих пределах я неизменно пользуюсь одними и теми же терминами, т. е. вполне унифицированно. Если в примере, взятом со стр. 8, я не называю прямо феодалов, то говорю о трибунских фамилиях, т. е. феодализирующихся земледельцах, будущих феодалах. Если на стр. 11 нет феодалов, то только потому, что крестовые походы, о которых тут идет речь, в первую очередь в Венеции интересовали купцов, арматоров и ростовщиков...

Под “деловым людом в Венеции” я понимаю ту часть купцов, арматоров и ростовщиков, которые остались во второй половине XIII в. вне состава правящего класса Венеции, вне класса-сословия нобилей. Не вижу причин, почему для обозначения этого люда нельзя воспользоваться термином “деловой люд”, взятым к тому же в кавычки... В. И. предлагает пользоваться терминами: “патрициат Венеции, состоящий из банкиров, купцов, землевладельцев” <...> Термином “патрициат в Венеции” я пользуюсь и сам (см. стр. 33); “землевладелец” для XIII, XII и XI вв. звучит, я бы сказал, несколько беззубо, объективистски, феодал — понятие вполне определенное, с подчеркнутым классовым содержанием, и мне кажется более предпочтительным по сравнению с понятием “землевладелец”. Не забудем, что землевладельцы существовали и во времена Хаммурапи, и во времена Солона, и в Римской республике, существуют и теперь... Такое слово как исторический термин определенно не годится. Слово “банкир” для обозначения ростовщиков XI и пары следующих столетий — тоже термин малоподходящий, даже если его брать при этом в кавычках. Это будет модернизацией, понимаемой в широком смысле слова, т. е. термином, подходящим не для средневековой, а новой или переходной к ней эпохи. О “купцах” я не говорю, — они мною упоминаются постоянно. Подводя итоги, я должен сказать, что два термина из проекта Виктора Ивановича я употребляю и сам, а два считаю неподходящими. Наконец, об арматорах Виктор Иванович ничего не говорит, а эта категория эксплуататоров играла в мореходной Венеции большую роль...

2. В. И. рекомендует “показать основу Венеции как не чисто феодальную, а более сложную с элементами будущих зародышей капиталистических отношений” <...>. Здесь прежде всего возникает вопрос: что такое “чисто феодальная основа”? Этого термина у меня нет ни в автореферате, ни в работе <...> Если под обществом на “чисто феодальной основе” понимать общество феодально-крепостническое, с решительным преобладанием деревни при ничтожной значимости в его экономической, социальной и политической жизни города, то В. И. должен согласиться, что мой автореферат, как и моя работа, рисуют общество не на “чисто феодальной основе”, а на основе “более сложной”, — достаточно указать на стр. автореферата 6, 7, 11, 12, 31

и т. д. Из этого следует, что возражение, при этом его понимании, направлено мимо цели... Если В. И. понимает под “феодалной основой” нечто иное, то еще раз возникает вопрос: что же именно?

В. И. рекомендует изобразить венецианское общество XI–XIII вв. “с элементами будущих зародышей капиталистических отношений” <...> Уж очень всё это тонко: “элементы зародышей” да еще не таких, которые уже существуют, а “будущих”, т. е. пока не существующих <...> Не умею я изображать таких “зародышей”. Для этого в руках историка нет необходимых данных. Виктор Иванович и сам это чувствует и аргументирует свою рекомендацию изобразить эти “зародыши” ссылками на Маркса и Энгельса: “Иначе неясно, — пишет он, — почему классики марксизма находят в Венеции XIV в. мало развитые, но капиталистические отношения”, и ссылается при этом “на III т. «Капитала», стр. 341 и др.” (В. И. понимает, судя по ссылке, изд. 1950 г.), но ни на 341 стр., ни во всей 20-й главе III т., ни вообще в “Капитале”, ни в каком бы то ни было другом произведении Маркс не находит в Венеции XIV в. “мало развитых, но капиталистических отношений” <...> Это — выдумка. В 20-й главе речь идет о функционировании купеческого капитала в докапиталистическое время, — «не только торговля, но и торговый капитал, — читаем мы здесь, — старше капиталистического производства и в действительности представляет собой исторически древнейшую свободную форму существования капитала» (цит. изд., стр. 337). На странице же 341, на которую ссылается В. И., мы читаем следующее: “Тот закон, что самостоятельное развитие купеческого капитала находится в обратном отношении к степени развития капиталистического производства, с особенною ясностью обнаруживается в истории посреднической торговли, как у венецианцев, генуэзцев, и голландцев, там, следовательно, где главный барыш извлекается не из вывоза продукции своей страны, а из посредничества при обмене продуктов таких обществ, которые еще не развились в торговом и вообще в экономическом отношении” <...> Где тут мало развитые капиталистические отношения в Венеции XIV в.? В своей работе я также ссылаюсь на это место, но в доказательство того, что в Венеции XIII в. не существовало капиталистического производства <...> Не видно также и его “зародышей” — ни настоящих, ни, тем более, “будущих”.

При этом я ни на одну минуту не думаю отрицать того, что функционирование торгового капитала при известных условиях может благоприятствовать возникновению капиталистических отношений, ибо я знаю такое место из Маркса: “Торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах на-

правлены главным образом на производство потребительной стоимости” <...> (там же, стр. 344). Но я знаю и продолжение этой цитаты: “Но как далеко заходит это разложение старого способа производства, это зависит прежде всего от его прочности и его внутреннего строя. И к чему ведет этот процесс разложения... это зависит не от торговли, а от характера самого способа производства” <...> Так вот в венецианском производстве XI–XIII вв. я не мог усмотреть капиталистических отношений <...>

Наконец, В. И. ссылается на то, что ни Маркс, ни Энгельс нигде “не называют Венецию феодальным государством”, а Энгельс прямо называет “Венецию торговой нацией” (В. И. не указывает стр., но, очевидно, это стр. 916 III т. того же издания).

Из того, что Маркс и Энгельс не называют Венецию феодальным государством, вовсе не следует того, чтобы они отрицали феодальный характер венецианского производства XI–XIII вв. Не дает права на такое заключение и наименование Венеции “торговой нацией”. Наоборот, если вдуматься как следует в то, что пишет Энгельс на стр. 913, 914, 915, 916 III т. “Капитала”, то следует как раз обратное: Энгельс считает венецианскую торговлю даже более позднего времени характерной для феодального общества. В самом деле: сначала он говорит о крестьянской общине — марке, характерной для феодального общества (стр. 913, 914); потом — о цехах, “внутреннее устройство которых было не чем иным, как приложением общины-марки, но уже к ремесленным привилегиям” (стр. 914), наконец, говорит о средневековых купеческих товариществах — “и то же самое (т. е. приложение общины-марки. — Н. С.) в не меньшей мере относится к купеческим товариществам, вызвавшим к жизни заморскую торговлю”, и рисует далее типичные для средневековой торговли купеческие порядки <...> Здесь нет ни малейшего намека на капиталистические отношения.

В одном месте своего автореферата я называю Венецию “феодальной торговой державой Восточного Средиземноморья” (стр. 18). Позволю себе смелость утверждать, что это наименование не хуже “торговой нации” Энгельса, так как венецианцы не были в XIII в. “нацией” и занимались отнюдь не одной только торговлей: в Венеции существовало обширное ремесленное производство, организованное характерным для средневекового города феодальным способом».

Защита докторской диссертации Н. П. Соколова в Ленинградском государственном университете состоялась 14 января 1954 г. Официальными оппонентами выступили член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская, профессора И. И. Любименко и М. В. Левченко. В. И. Рутенбург на диспуте присутствовал и выступал. Он отметил, что

Н. П. Соколов привел в диссертации обильный фактический материал относительно развития промышленности, его общая характеристика цехов как феодальной организации сомнений не вызывает. «Но остается неясным, в каком направлении шло развитие промышленности. Между тем в Венеции рано развивается производство шелковых тканей, знаменитого венецианского стекла, судостроение, добыча соли, обработка сельскохозяйственных продуктов и т. п. <...> Недостаточно сказать, что в Венеции был феодализм, а не капитализм. Венеция — это не типично феодальный город, он развивался своеобразно, что и определяло специфику всей Венецианской колониальной державы». В. И. Рутенбург высказал замечание, что в работе необходимо было поставить также вопрос, «почему в обстановке общего упадка итальянских государств Венеция сохранила свое могущество и в XVI—XVII вв., только в XVIII в. утратив свои обширные владения». По его мнению, дело было в том, что Венеция была «специфической феодальной державой».¹¹

Продолжение дискуссии мы найдем в трудах обоих ее участников. Так, Н. П. Соколов, отзываясь на замечание В. И. Рутенбурга: «Вот это и не исследовано!», писал: «Русская историческая наука советского периода внесла марксистскую струю в трактовку отдельных проблем, но не дала еще самостоятельного исследования предмета в целом» (с. 7 монографии 1963 г.). В. И. Рутенбург позднее упоминал о «пересмотре некоторых положений в свете марксистской методологии» (с. 10 его монографии 1987 г.).

Р. С. Один из последних методологических семинаров (может быть, последний, уже не помню, году в 1988 или 1989), которые проводились по плану академической кафедры философии, был посвящен теме «Наши учителя». Руководитель семинара Валентин Семенович Дякин поставил доклад о В. И. Рутенбурге, поручив подготовить его Марку Тимофеевичу Петрову и мне. Доклад был принят одобрительно, кто-то из присутствовавших собрался было поделиться соображениями о «марксизме» Виктора Ивановича, на что В. С. Дякин резонно напомнил, что «все мы оберегали свои работы частоколом из классиков», вызвав оживление в зале.

¹¹ Подробнее см.: *Якубский В. А.* Защита докторской диссертации Н. П. Соколовым «Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы» в Ленинградском университете // *Византийский Временник.* М., 1956. Т. VIII (33). С. 391–393.

**«Цветы и колосья»:
«самиздатовский» сборник к 60-летию В. И. Рутенбурга**

В наше время, когда даже незначительные юбилеи известных ученых принято отмечать толстенными *Festschrift*²ами, трудно представить, что в советскую эпоху с ее аскетизмом это было почти в принципе невозможным (разве что после ухода из жизни ученому мог быть посвящен очередной выпуск какого-то журнала). И все-таки мы, коллеги и ученики Виктора Ивановича, решили (полушутя, полусерьезно) нарушить традицию, выпустив в 1971 году, к 60-летию нашего любимого начальника и одновременно выдающегося ученого, «самиздатовский» сборник наших статей, напечатанный на машинке и размноженный тиражом в 19 экземпляров¹ («все экземпляры пронумерованные и подписные²», помечено на каждой рукой Виктора Ивановича), переплетенный, с портретом юбиляра (плохо отпечатанная на ксероксе, но замечательная сама по себе фотография), с художественно оформленным автором этих строк титульным листом и с названием: «*I fiori e le spighi*. Сборник трудов ГВИ (т. е. Группы всеобщей истории. — И. М.) ЛОИИ СССР АН СССР в честь В. И. Рутенбурга. MSMLXXI».

Сама идея сборника, его названия и оформления принадлежала Лидии Георгиевне Катускиной, в то время — ученому секретарю Группы, предпославшей сборнику следующее, не лишнее юмора, предисловие (в начертании моей рукой, я ведь обозначен как «художник-оформитель» сборника):

«Букет представленных здесь трудов собран на тех высотах, которые удалось ГВИ достичь под руководством ВИР. Букет сей пестр и красочен, ибо, руководя Группой, ВИР никогда не подавлял индивидуальности ГВИ. Различна степень вегетации — тут и зрелые полновесные

¹ Точнее, сборник был напечатан на машинке в одном экземпляре, и еще 18 копий было изготовлено на отечественном множительном аппарате типа «Эра».

² Кроме авторов статей, сборник был вручен Николаю Евгеньевичу Носову, в то время директору Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, Дмитрию Ивановичу Петрикееву, ученому секретарю института, а также И. Х. Черняку (одному из авторов настоящего сборника); один экземпляр был передан в Библиотеку ЛОИИ (подведомственную БАНу, т. е. современной Библиотеке РАН) и в библиотеку Группы (в настоящее время — Отдел) всеобщей истории ЛОИИ (т. е. СПбИИ РАН).

колосья, и первые цветы научной юности, ибо все возрасты ГВИ одинаково близки ВИР.

Сборник рассчитан на внимательного и вдумчивого читателя, всегда имеющего высказать пристойное случаю замечание.

В. И. Рутенбург родился в 1949 году одновременно с “ранним капитализмом” в Италии, вместе с ее “народными движениями” прошел трудный путь борьбы, итоги которой получили широкое международное признание. Одновременно В. И. Рутенбург успевал не только читать чужие книги — три книги о Датини, счетные книги компании Ущано (см. ниже список трудов В. И. Рутенбурга), но и писать свои (см. выше и ниже). Являясь членом нескольких Ученых советов и международных научных обществ, а также постоянным участником административных совещаний ЛОИИ, В. И. Рутенбург еще находит время, чтобы жить и руководить группой всеобщей истории ЛОИИ АН СССР (кто не пробовал — не поймет)». Все авторы юбилейного издания поставили свои подписи под этим текстом.

Сборник открывается списком научных трудов юбиляра (указано 129 названий, список, конечно, неполный³) и включает в себя 12 статей сотрудников Группы: «Значение трудов Фр. Энгельса для советской медиевистики» О. Л. Вайнштейна; «Стиг Драйер и Северная война» В. Е. Возгринна; «*Ser Giovanni Mariani — “consul et orator”, perché?* (К вопросу о дипломатической номенклатуре в Италии XV в.)» Л. Г. Катушкиной; «Акты Падуи XII–XIV веков» А. М. Кононенко; «Византийские предшественники итальянских глоссаторов» Е. Э. Липшиц; «Рыцарь-хронист конца XI века» А. Д. Люблинской; «Византийский гуманизм» И. П. Медведева; «Леонардо и Фичино (этюд)» М. Т. Петрова; «Об одной пьесе Петровского времени» Е. К. Пиотровской; «США и война в Европе (1939–1940 гг.)» В. Н. Плешкова; «Американская и французская революции. Сравнительная характеристика» А. А. Фурсенко; «Эпизод из истории русско-итальянских торговых связей в XVII в.» И. С. Шарковой.

Будучи чаще всего ответвлением от основных плановых работ, большинство этих статей, вероятно, впоследствии было опубликовано,⁴ но

³ Ср. Библиографию трудов В. И. Рутенбурга на с. 307–342 настоящего сборника.

⁴ Например: *Медведев И. П. Византийский гуманизм // Вопросы истории. 1972. № 4. С. 214–217; «Акт Ливерский» // Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.) / гл. ред. А. Н. Робинсон, подготовка текста и комментариев — Е. К. Пиотровская. М., 1976. С. 492–403, 786–788; *Фурсенко А. А. Американская и Французская революции XVIII в. (опыт сравнительной характеристики) // Вопросы истории. 1972. № 11. С. 62–81.**